

18+

фантастическая история
королевства

ТАРТ

Анна Вега

Анна Вега

**Фантастическая история
королевства Тарт**

«Издательские решения»

Анна Вега

Фантастическая история королевства Тарт / Анна Вега —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513376-2

Тарт покажется вам самым милым из всех сказочных королевств, пока вы не коснетесь его тайн. Принцесса, отданная на заклятие чудовищу, ещё не знает, что это не самое страшное, что ей предстоит пережить. Чудовище, пришельцы, попавшие в королевство неведомым образом, не последняя тайна, что хранит тартский лес.

ISBN 978-5-00-513376-2

© Анна Вега
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Таинственный лес	6
Глава 2. Встреча	11
Глава 3. Амбиции и страхи Первого Сановника Тота	18
Глава 4. Первое утро принцессы в Лесном городе	22
Глава 5. Рассказ Ивана Лютаева. Странное пробуждение	26
Глава 6. Первая зима чужеземцев	35
Глава 7. Поселенки Лесного города	45
Глава 8. Девушки чудовища	52
История Син	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Фантастическая история королевства Тарт

Анна Вега

© Анна Вега, 2021

ISBN 978-5-0051-3376-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Таинственный лес

Стихли последние отзвуки шагов, и принцесса осталась совершенно одна. Одна в этом страшном и странном лесу. До последнего она не верила, что это происходит с ней в действительности. Она подумала – может, они вернутся? Хотя кто-нибудь из них. Вернётся и освободит её. Она жутко боялась теперь, в этом абсолютном одиночестве, в этой только кажущейся умиротворённой тишине леса. Она почти не ощущала своего тела, а её сердце было таким горячим, что принцессе показалось, что оно сейчас расплавится, и тяжёлыми каплями скатится на землю. Может, она умирает, и это её душа стремится избавиться от тела? Но нет, она ещё жива, в этом принцессу убеждали веревки, стягивающие её запястья. Она попыталась освободиться, крутила, дёргала руки, но напрасно, узлы не развязались, верёвки, правда, чуть ослабли, но взамен она только натёрла себе запястья. Её – Принцессу Тарта! – оставили здесь на заклятие чудовищу!

Принцесса и предположить не могла, что когда-нибудь окажется здесь в роли жертвенного агнца, привязанной на поляне к этому древнему дубу. Раньше она даже испытывала по этому поводу некоторое угрызение совести потому, что в связи с её положением она никак не могла очутиться на этом месте. Ирония судьбы, но именно положение принцессы и привело её сегодня сюда. Впрочем, сейчас она низложенная принцесса, принцесса, которая так и не стала королевой, все старания её отца пошли прахом, а он так мечтал короновать её на трон Тарта. Но она по-прежнему особа королевской крови, и потенциально опасна для нынешнего правителя. Принцесса прекрасно осознавала, что раз она не смогла удержаться на троне, возможность её нового воцарения маловероятна. За несколько месяцев, что прошли со времени смерти её отца, всех её союзников переманил Первый Сановник Тот, а она так и не смогла добиться от Ассамблеи решения о своей коронации после совершеннолетия. Да что там решения, принцесса даже не смогла созвать Ассамблею по этому вопросу, а всё из-за того, что она была особой женского пола, а за всю историю королевства Тарт, им никогда не правили женщины. А все основания для созыва Ассамблеи у неё были – король Лев в своём завещании указал её как свою преемницу. Принцессу устроил бы и вариант отложенного решения, это означало бы, что до её совершеннолетия, никто не сможет претендовать на престол Тарта, но Ассамблея отвергла этот вариант, таким образом, она оказалась низложенной принцессой. Сановник Тот, свергнувший её, понимал, что в данное время девчонка неопасна для него, но ему было необходимо исключить даже ничтожную угрозу для его правления. И никогда не забывать, что в принцессе в любой момент может разыграть кровь её отца. Тот с пеленок рос вместе с будущим королём Тарта Львом I, и своего повелителя знал прекрасно. И страшно завидовал ему. Завидовал даже не королевскому происхождению, а тому, что принц Лев смог стать королём и на протяжении тридцати лет властвовать в Тарте, снискать любовь подданных и не занять врагов.

Тоту повезло, что в Тарте нет наследного принца, всего-навсего – принцесса. К тому же могущественный король Лев I сам сделал за Тота половину работы, избавился от всех жаждавших власти сановников. От всех, кроме Тота. Разумеется, король делал это для дочери, но кто же всерьёз воспринимает женщин? К тому же Тот рассматривал вариант, что может появиться какой-нибудь амбициозный авантюрист, и, женившись на принцессе, сможет стать претендентом на трон. Нет, Тоту не нужна была лишняя головная боль. Чудовище – вот наилучший вариант избавления от принцессы, а так как он сделал всё, чтобы у принцессы не осталось могущественных покровителей, никто и не рискнул возразить против его предложения. Предложения – отдать принцессу чудовищу. Кого-то же надо приносить в жертву, таков порядок, и не Первый Сановник Тот его установил.

Поляна, на которой ждала появления чудовища привязанная принцесса, на первый взгляд была самой обыкновенной. Ничто не пугало здесь, не заставляло боязливо оглядываться по сторонам, не указывало ни на какие странности. И всё же поляна, где сейчас созревала земляника, где так успокаивающе жужжали пролетающие шмели, где распускались такие милые полевые цветы, находилась в заповедном лесу. Она словно являлась границей между королевством принцессы и таинственным лесом, дальше, за поляной, в нём властвовали нечистые силы, так полагали тартцы и небезосновательно. Ни один охотник королевства никогда не охотился в чащах заповедного леса, туда не приходили собирать ягоды, грибы или травы. И никто, кого знала принцесса, никогда не был дальше этой поляны. Потому как, кто заходил вглубь леса, оттуда уже никогда не возвращался. Ни один из правителей Тарта не издавал этого закона, и всё же существовал этот негласный запрет для всех подданных королевства уже не одно столетие – если ненароком ты оказался на *крайней* поляне, то ни шагу с поляны в глубь татрского леса. Сейчас принцесса находилась на той стороне поляны, куда еще рисковали раз в год приходить королевские стражники и оставлять очередную жертву.

Семнадцать зим назад, в год рождения принцессы, здесь впервые появилось чудовище. Да, именно здесь, на этой самой поляне и увидели его охотники, тогда ещё находились смельчаки, промышлявшие здесь охотой. В тот раз устроили охоту на зайцев, эти непуганные зверьки из проклятого леса совсем обнаглели, с наступлением заморозков они почти каждый день устраивали набеги в сады и огороды, фермеры не могли сладить с ними. Выстрелы погнали зайцев в лес, охотники пустились за ними. Но даже охотничий азарт угас, едва мужчины оказались на поляне, все, как один, они припомнили и подчинились неписаному закону. Даже возможность лёгкой добычи не подстегнула их. Как-то враз почувствовав усталость, охотники остановились передохнуть на поляне, добычи оказалось уже достаточно, решено было больше не охотиться сегодня, и вернуться после привала в город. Разожгли костер, освежевали несколько заячьих тушек, нанизали их на вертел, и, расположившись вокруг костра, стали травить байки, в предвкушении жареного мяса, и конечно припомнили старые сказки о загадочных существах, обитающих в этом лесу.

Охотники находились в полной власти старых преданий о древних чудовищах, которых их предки встречали в тартских лесах, и когда на поляну из леса вышел этот огромный зверь, охотники оторопели, они даже не вспомнили о ружьях. Несколько мгновений они в ужасе смотрели на него, не веря своим глазам, и лишь услышав его рык, этот рык невиданного до сей поры животного, заставил охотников поверить в реальность происходящего, и они опрометью бросились бежать с поляны, бросив и ружья и добычу. Грэг, единственный из охотников, кто замешкался и рассмотрел чудовище ближе, чем все остальные, рассказал после, что представлял собою зверь. Это огромный зверь, рассказывал он, который встаёт на задние лапы и может ходить как человек, он очень высок, у него короткая коричневая шерсть и нет хвоста. Грэг видел как, прогнав охотников, и не заметив его, Грэга, чудовище подошло к ружьям. Тогда Грэгу подумалось, пока оно находится спиной к нему, он тоже сможет ретироваться с поляны, он не сбежал с остальными, так как его нога затекла и онемела, и теперь Грэг торопливо растирал её. Наконец, ощутив свою конечность, Грэг осторожно приподнялся и попятился к деревьям, но под его ногой хрустнула ветка, и зверь молниеносно развернулся, и Грэг встретился взглядом с чудовищем. У него взгляд не дикого зверя, утверждал Грэг после. Чудовище зарычало, и, забыв обо всём, Грэг развернулся и побежал прочь, за собой он слышал шум, чудовище преследовало его. Грэг бежал изо всех сил, на опушке леса его ждали товарищи, добравшись до них, Грэг оглянулся, вдали, среди стволов деревьев угадывался силуэт настигающего их чудовища. Охотники не стали ждать его появления на опушке и бегом ринулись в город. Чудовище же, добравшись до кромки леса, дальше их преследовать не стало, и охотники, оглядывающиеся на зверя на бегу, только тогда решились перейти на шаг, но замершая фигура лесного чудовища ещё долго мерещилась им у самой кромки леса.

Тарт окружён лесами со всех сторон, но именно эта часть леса, начинающаяся ближе всего к городу слыла самым жутким местом во всем Тарте. Ни охотники, ни лесорубы в ту зиму не осмеливались заходить даже на опушку запретного леса. Но со временем в городе разговоры о чудовище начали постепенно сходить на нет, его начали забывать. К весне же разговоры возобновились вновь, и все они заканчивались предложением совершить в лес вылазку. Даже бывшие тогда на охоте не усматривали уже ничего страшного в этом, противился лишь один Грэг, он предостерегал горожан о новом появлении чудовища. Чудовище появилось, когда мы говорили о нём, напоминал Грэг, нельзя вспоминать его, и не стоит искать его, утверждал он. Но всё же в начале апреля поход состоялся. Ни в лесу, ни на поляне, ни зверя, ни его следов охотники не обнаружили. Дальше же заветной поляны никто и не рискнул ступить в запретный лес.

Пришло лето, поспела земляника. За ягодами горожане начали заходить и в таинственный лес. Сначала собирали по опушкам, постепенно стали забредать всё дальше. Самая крупная и сочная земляника росла на той самой поляне, где пролегла невидимая граница королевства, и где появилось чудовище, но туда ещё никто за ягодами заходить не осмеливался. И вдруг, в один день разговоры о чудовище вспыхнули вновь. И самое загадочное было в том, что никто не мог сказать, что на самом деле видел его. Но, несмотря на это, слухи о чудовище не прекращались. В пику этих слухов, трактирщик Мал с женой отправились в роковой лес за земляникой. И собирать они пошли на ту самую поляну, Мал был человеком жадным, поэтому никто не удивился, что именно туда он повёл жену. Ведь Малу всё мало. Ушли они рано утром, к полудню должны были вернуться и открыть трактир.

Вернулся обратно Мал один, без жены и без ягод. Прихрамывающий, с поцарапанным лицом он вошел в караул стражников и объявил всем, что его жену утащило чудовище, а сам он еле спасся. Многие в рассказе Мала выглядели неясным, он явно что-то скрывал, недоговаривал, но охотники и стражники, что были отправлены в лес подтвердили наличие следов крупного хищника, жену Мала не нашли, как не нашли и следов крови. Выходило, что Эли, жену Мала, чудовище и в самом деле унесло с собой. На поляне валялась брошенная корзина Мала, рассыпанные ягоды, целая гора. Без веской причины Мал ни за что бы не бросил собранные ягоды. А то, что он сбежал, и не попытался вызволить из лап чудовища жену, так кто из мужей совершил бы подобное? В королевстве особами женского пола не дорожили. И это невзирая на то, что женщин здесь рождалось гораздо меньше, чем мужчин. Но всё же мужчины умудрялись жениться дважды, а то и трижды, редко кто из них проживал с одной женой всю жизнь. Женщины скоростижно умирали, а мужья недолго горевали, ведь новую жену можно быстро найти, особенно если искать в соседнем королевстве.

Маленькой девочкой впервые услышала принцесса о чудовище и, узнав историю с женой Мала, подумала, что она бы предпочла быть утащенной чудовищем, чем быть женой толстого и противного Мала. Принцесса сказала об этом отцу. Король улыбнулся, но после ответил дочери, что правитель должен любить всех своих подданных. И даже если кто-то и вызывает неприязнь, то всё равно он обязан заботиться о своих подданных в равной степени, а свою неприязнь скрывать. Но и после слов отца принцесса не изменила своего мнения о трактирщике. Сам же трактирщик Мал недолго горевал после пропажи жены, и вскоре привёз себе новую, такую же скупую и визгливую, как и он сам.

Желающих ступить даже на опушку рокового леса находилось с каждым днём всё меньше и меньше. Чудовища так никто и не видел, но теперь стали приписывать все необъяснимые явления, как, например, непонятные следы возле крепостных стен города, оленя, выбежавшего на опушку леса, присутствию в лесу чудовища. На ночь все городские ворота запирались как обычно, но караул стражников усилили. В эту осень обычных набегов зайцев на садовые земли фермеров почти не было, но вместо того, чтобы радоваться, многие горожане стали с ужасом

говорить, а что если, съев всю живность в лесу, чудовище начнёт нападать на домашний скот, или людей?

Король не мог успокоить горожан. За поимку чудовища была объявлена большая награда, но охотников поймать чудовище не удалось, ни среди свиты короля, ни среди простых горожан. Так, в страхе, прошла зима. Весной фермерам надо начинать работать в полях, а это значит надо всё дальше и дальше уходить от надёжной защиты крепостных стен Тарта. Король распорядился на опушке окаянного леса выставить караул из десятка стражников. В первые апрельские дни фермеры работали судорожно. Находясь в постоянном страхе, они всё время оглядывались на злополучную лесную опушку. Но признаков чудовища не было никаких, и постепенно фермеры перестали опасаться чудовища, и через два месяца караул стражников сняли.

Земли отца Брижит, тянулись как раз возле опушки этого проклятого леса. После обеда девушка прилегла отдохнуть на лесной опушке, от усталости и жары её разморило, и она уснула. Домой девушка больше не вернулась, брат Брижит, Вик, видел её последним, он утверждал, что чудовище уволокло Брижит в лес. Запыхавшийся, он прибежал к отцу, сначала ему не поверили, фермер решил, что Вику просто надоело работать, и он решил сбежать домой, а в своё оправдание выдумал эту историю. Фермер вместе с сыном вернулся на поле, но девушки там действительно не оказалось. На поиски Брижит был послан отряд стражников. Но, как и год назад, поисковый отряд вернулся обратно ни с чем, он опять дошел лишь до поляны запретного леса, Брижит нигде обнаружена не была, даже следов никаких не нашли. Следовало признать, Брижит стала второй жертвой чудовища.

Как и в первом случае, когда исчезла жена трактирщика, никто особо не переживал по поводу пропажи Брижит, и возможной её смерти. Брижит родилась хромой, одна нога её была меньше, чем другая. Это был нонсенс, в королевстве редко рождались люди с врождёнными физическими недостатками. Вдобавок тому, мать нарекла девочку странным именем – Брижит. Именем, состоящим из шести букв, в то время как в королевстве редко встречались люди с именами даже из четырех букв. С рождения Брижит выделялась из всех детей своим странным именем и хромотой. Сверстники вроде не сторонились её в открытую, но в то же время будто и вовсе не замечали Брижит.

Мать Брижит умерла через три года после рождения единственной дочери, и отец Брижит женился в тот же год опять. Непопулярность девочки у сверстников не могла снискать ей любовь отца, у которого к тому же вскоре родились ещё дети, и все они были нормальными. А с хромотой Брижит, у её отца не было шансов даже выдать её замуж. Брижит уже находилась в том возрасте, когда девушки выходят замуж, и хотя её хромота не мешала делать ей любую работу, никто из парней не заглядывался на неё. И если все остальные горожане сказали себе, к счастью, что чудовище похитило не мою дочь (жену, сестру), то отец Брижит подумал – а может так оно и лучше.

Через год история повторилась, а через год ещё. И вновь эти девушки были, если можно так выразиться не такие, как все. Хохотушка Лив после обмана жениха, избегала всех остальных мужчин. Она упрямо отказывалась выходить замуж, что не на шутку злило всю её семью. Ей уже исполнилось двадцать пять, критический возраст для девушки, чтобы выйти замуж, но она напрочь игнорировала все увещевания своей семьи и подруг по этому поводу. После исчезновения Лив её отец тоже мог вздохнуть с облегчением, ведь в королевстве Тарт не любят тех, кто хоть чем-то отличается от остальных.

За Лив последовала врачевательница Ло. Казалось бы, исчезновение Ло должно было огорчить многих жителей королевства, но Ло, кроме того, что была врачевательницей, обладала колдовскими чарами, она хранила много тайн, и это уже становилось досадным обстоятельством для спокойной жизни многих знатных жителей королевства. И с несказанным облегчением, после исчезновения Ло, вздохнул первый советчик короля Тот, а вскоре он стал

Первым Сановником королевства. После пропажи Ло, четвёртой пропавшей девушки, король собрал Ассамблею, где постановил, что отныне именно Ассамблея будет решать, какая из женщин будет отдана чудовищу.

Глава 2. Встреча

Принцесса закрыла глаза, ей очень хотелось спать, всю предшествующую ночь она так и не сомкнула глаз. Только сейчас усталость победила, её перестал бить нервный озноб, закрыв глаза, она начала молиться. Услышав шорох рядом с собой, принцесса Ти с трудом открыла глаза, но не сразу рассмотрела того, кто стоял перед ней. Солнце, проникая через ветки дерева, било в глаза и ей понадобилось несколько мгновений, чтобы привыкнуть. Но ещё до того, как глаза приобрели прежнюю ясность, она поняла, кто перед ней. Это было оно – чудовище. Чудовище было действительно огромным, у него была звериная морда, но тело было очень похоже на человеческое. И оно было покрыто короткой шерстью темного цвета. Да, именно так описывал охотник Грэг чудовище, и сейчас Ти была в полной его власти. Принцесса открыла рот, она хотела позвать на помощь, она вмиг забыла, что, даже услышав её крик, навряд ли кто-нибудь поспешит на её зов. Ведь ближе всего были те, кто привел её сюда рано утром. Возглас принцессы утонул в мохнатой лапе, закрывшей ей рот, а через мгновение померкло и сознание принцессы.

Как только принцесса обмякла, чудовище обошло дуб, к которому была привязана девушка, и развязало веревки, затем оно внимательно оглядело все вокруг и, закинув принцессу на плечо, быстрыми шагами двинулось вглубь леса.

– Принцесса?! Принцесса Ти?

Принцесса Ти очнувшись, вздрогнула, вздрогнула от звука этого голоса. Голос был мужской и какой-то глуховатый, в нём звучало изумление, а ещё само произношение слов было очень странное, принцесса никогда не слышала, чтобы так говорили. Она бы без сомнения употребила бы слово акцент, но этого понятия в Тарте не существовало. Она чуть приоткрыла глаза, ей не терпелось увидеть говорившего, ведь выходило, что она спасена, спасена обладателем этого странного голоса. Так кто же он? Принцесса смогла сдержать стон, хотя первое, что она увидела, кроме густых крон деревьев, было чудовище. Но оно же не могло произнести слово – «принцесса»! Неужели ей это почудилось? Принцесса вновь смежила веки, может бесчувствие поможет ей дольше сохранить жизнь.

– Не бойтесь, принцесса, открывайте глаза, я вас не съем, – произнёс тот же голос. Теперь принцесса должна была признать, что говорит и в самом деле чудовище.

– Сэр, не торопите принцессу, дайте же ей прийти в себя, – мягко произнёс женский голос. Больше принцесса притворяться была не в состоянии, она повернула голову и, открыв глаза, действительно увидела женщину, типичную тартку – круглое милое лицо с чуть вздернутым носиком, серые глаза, тёмно-пепельные волосы.

Женщина встретила настороженный взгляд принцессы дружелюбной улыбкой, тем же мягким голосом она произнесла:

– Меня зовут Ло, принцесса Ти.

– Врачевательница Ло? – Ти с трудом узнала свой голос, он был такой тихий и к тому же хриплый.

Ло кивнула.

– Мы в заповедном лесу? – вновь очень тихо прозвучал голос принцессы.

– Да, но вам здесь нечего опасаться.

Принцесса вновь кивнула и обратила взор на чудовище.

– Вы умеете говорить? – спросила принцесса, однако, несмотря на все её приложенные усилия, голос её дрожал.

– Да. И если вам уже лучше, может, присядете, и мы поговорим?

Заботливые руки Ло помогли сесть принцессе, затем напоили узницу. Принцесса обнаружила себя на крошечной поляне, её спина упиралась в ствол дуба. Чудовище расположи-

лось напротив, слева присела Ло, справа от принцессы расположилось какое-то животное. Оно сильно напоминало собаку, тут существо зевнуло, широко раскрыв пасть, принцесса испуганно вздрогнула.

– Кто это?

Ответило чудовище:

– Собака, разве вы не видите?

– Таких собак не бывает, – возразила принцесса.

– Это у вас не бывает таких собак, принцесса. А у нас бывают. Просто Март большая собака, вот и всё. Бывают не только разные собаки, но и люди бывают отличными друг от друга.

– Люди? Как это люди, могут отличаться друг от друга? Если только людьми называть тех, кто умеет говорить, но у кого звериная морда, а тело покрыто шерстью? – резко спросила принцесса и, не дожидаясь ответа, продолжила. – Так кто вы? – она уже взяла себя в руки, голос перестал дрожать, и стал звучать уже громче, всё-таки она принцесса, не следовало ей забывать об этом. Смерть отца, отрешение от престола и даже известие, что она отдаётся в лапы чудовища, принцесса приняла стойко, ничем не выдав чувств, что бушевали внутри неё.

Чудовище сначала рассмеялось (так решила принцесса), а потом произнесло:

– Далеко-далеко отсюда есть места, где живут люди не очень похожие на тартцев, принцесса. Они бывают разного роста, высокие и низенькие, и у многих из них кожа, волосы, и глаза разного цвета.

– Какие же это цвета, красные, или может быть, синие? – ядовито поинтересовалась пленница.

Чудовище сарказм проигнорировало и серьёзно ответило:

– Кожа может быть чёрной до синевы, жёлтой или молочно-белой. А глаза могут быть чёрные, как ночь, голубые, как небо, серые, как у вас, зелёные, как эта трава. А волосы, они могут быть прямые и кудрявые, или чуть выющиеся. Цвет их может быть чёрным, как вороново крыло, светлым, как лен, рыжим, как огонь.

– Черный, рыжий, зеленый? – принцесса готова была и дальше прекословить, ведь все тартцы такие одинаковые, мужчины невысокие, кряжистые, почти все с чрезвычайно добродушным выражением лица, что делало их еще больше похожими друг на друга, привычные темные волосы и карие, либо серые глаза. Вот и весь портрет тартца. Женщины тоже не отличались высоким ростом, как и цветом волос и глаз от мужчин, и все они обладали живым и покладистым характером, но принцесса вдруг вспомнила один портрет во дворце, портрет предка, древнего короля с голубыми глазами. Чужаки, пришельцы, как она забыла о них, об этих действительно странных людях, своей внешностью, языком разительно отличавшихся от тартцев, впрочем, немудрено, чужаки давно не появлялись в Тарте. Принцесса была слишком молода, чтобы оглядываться и призывать на помощь свой жизненный опыт. И в памяти не возник тот случай в далёком детстве. Королева Ла, мать принцессы, была ещё жива, и они гостили в Сартре, как-то гуляя по городу Ти заметила двух маленьких девочек, мать мыла им головы, волосы были в пене, и всё-таки Ти заметила этот странный цвет волос, она даже вскрикнула от изумления. Волосы были белые. «Они грязные, мама? Их волосы такого странного цвета, – взволновалась Ти, – Да, они грязные, детка», – подтвердила Ла, и больше ничего не сказала дочери, решив что та ещё слишком мала. И все-таки Ти не хотелось сдаваться: – Что ж, быть может в том мире существо со звериной головой и человеческим телом называется человеком, но здесь даже пришельцы ненамного отличаются от подданных моего королевства.

– Вашего королевства, принцесса? – коварно поинтересовалось чудовище. – Неужели столь глубокая любовь к своим подданным толкнула вас на этот шаг, и вы добровольно отправились на заклание чудовищу? Поведайте же нам, как вы очутились на поляне? Какое стечение обстоятельств позволило нам, простым смертным так запросто общаться с особой королевской крови?

– А вам, не всё ли равно, каким образом я здесь очутилась? Вы получили желаемое, новую жертву. Ну, так делайте со мной, что вы хотели, – огрызнулась принцесса.

– Принцесса, здесь вам никто не желает зла, – примиряюще проговорила Ло.

– И вы совершенно свободны, – добавило чудовище.

И вопреки своему желанию, не смотреть на страшную звериную морду, принцесса подняла на неё глаза.

– Свободна? – недоверчиво переспросила она.

– Да, абсолютно. Если вы хотите, я могу отвести вас обратно в ваше королевство к вашим подданным. Или туда, куда вы пожелаете.

Принцесса, как ни странно, поверила чудовищу. У неё возникло множество вопросов, но для начала, она должна была решить, как ей быть. Принцесса подумала, что возвращаться назад, в королевство ей совершенно незачем, её там никто не ждёт. К тому же возвращение сулило ей участь стать добровольной пленницей сановника Тота. Коварство, подлость, изощренная дипломатия, хитрость, скрытность, этими качествами в полной мере владел её отец, и, конечно же Тот, нынешний правитель Тарта. Но сама принцесса была их напрочь лишена, по крайней мере, она так полагала. Несмотря на все усилия короля-отца, стремившего привить ей эти качества, она мало преуспела в этом. Все её существо противилось сражаться придворных, потворствовать их слабостям, а после играть на этом, никого, даже самых близких людей не посвящать в свои истинные замыслы и конечную цель. Итак, заключила принцесса, Тота мне не победить такими методами, поскольку я ими не владею, а других я не знаю, следовательно, возвращаться не имеет смысла, если вернуть трон не удастся. И вдруг, в первый раз в жизни в её душе вскипел гнев, он был направлен на одного человека – на Тота. Он лишил её дома, её привычного образа жизни, наконец, пути к престолу, к которому вёл её отец, принцесса и не помышляла о другой судьбе для себя, но до сих пор Ти не чувствовала к Тоту ненависти, она признала своё поражение и смирилась с ним. Однако сейчас, она ненавидела Тота за то, что из-за него у неё был лишь один выбор – принять то, что ей предложит чудовище. Принять это и постараться извлечь из этой ситуации пользу. У неё вдруг появилась цель, цель, ради которой она даже хотела жить рядом с этим получеловеком. Но о существовании этой цели она не скажет никому, в этот раз она всё сделает так, как учил её отец.

– Мне нет смысла возвращаться обратно, в королевство, – начала принцесса, – там сейчас другой правитель, и в Тарте я больше никому не нужна. Если я вернусь, я буду мешать Тоту, буду его не проходящей головной болью. Нет, больше я не желаю жить во дворце в бесконечной лжи, среди интриг, которые будет плести сановник Тот, чтобы вновь избавиться от меня. Вернуться к родным моей матери, в её королевство, тоже я думаю, не стоит. Там король мой дядя, но даже кровное родство не заставит дядю открыто идти против Тота. Дядя боится за свой трон, пусть он и является чисто символическим правителем Сартра, он не желает с ним расставаться. Сартр уже давно фактически управляется королем Тарта. Только в память о моей матери мой отец не провозгласил себя единым правителем двух Королевств. А среди свиты моего дяди имеется немало союзников Тота, они немедленно донесут о моём появлении в Сартре. В моём нынешнем положении, я невыгодная союзница дяде в борьбе с Тотом. Боюсь, поэтому дядя отдаст предпочтение Тоту, а не мне. На сегодняшний день я всего лишена, я не могу предложить ни денег, ни власть, ни даже людей, которые бы поддерживали меня. Мне не нужна свобода, которую вы мне предлагаете. Мне нечего с ней делать, увы.

– Но, принцесса, – воскликнула Ло, – неужели вас в королевстве никто не поддерживает?

– Никто не выступил на Ассамблее против предложения Тота отдать меня чудовищу, – с горечью произнесла Ти, – хотя голосование проводится тайно, не было ни одной красной фишки, все зеленые. Я сама присутствовала на Ассамблее. Я видела собственными глазами, как секретарь Ассамблеи высыпал фишки на Круглый стол. Одиннадцать зеленых фишек, ровно столько, сколько имеют права голоса сановников, сколько присутствовало на заседании

Ассамблеи. Я была там в виде исключения, я ведь уже давно не претендентка на трон, не знаю почему Тот разрешил мне быть там, очевидно хотел продемонстрировать мне свою власть. Одиннадцать зеленых фишек, проголосовали все, никто не отказался от голосования, никто не воспользовался правом не класть свою фишку, и никто не встал на мою сторону, при голосовании дав красную фишку. По закону, принятому моим отцом, выдвинутое предложение принимается, если «за» высказалось большинство членов Ассамблеи, но не меньше шести сановников. Такого единодушия давно не было на Ассамблее. Сановник Тот постарался на славу, предварительно обработав членов Ассамблеи. Что же, выходит он меня боится больше, чем пытался убедить, это единственное, что обрадовало меня.

– Может, принцесса, примет в таком случае моё предложение? Его я делал всем, кто оказывался на вашем месте. Идёмте со мной и Ло.

– Идти? Куда идти? – принцесса вновь взглянула прямо в звериные глаза, она почти перестала страшиться чудовища. Гораздо больше она пугалась мысли, что вновь может остаться одна в этом лесу. Ей мнилась опасность за каждым деревом.

– Увидите, принцесса, это не так далеко, – пояснила Ло.

Первым поднялось чудовище, оно неслышно скользнуло в лесную чащу, потом встала Ло и протянула руку принцессе. Принцесса воспользовалась помощью.

– Следуйте за мной, принцесса. Тропинка узкая, поэтому пойдём гуськом, – сказав это, Ло вступила в лес. Оглянувшись на принцессу, добавила. – И ничего не бойтесь, за вами следует Март, он охраняет нас. Он почувет опасность задолго до её появления.

– Опасность? – значит ей не почудилось, подумала принцесса, и кроме этого получеловека, этот лес населён кем-то ещё, и эти кто-то гораздо страшнее. Хотя до сей поры, она полагала, что самая большая опасность этого леса – чудовище, что прокладывало сейчас путь. Принцесса шла вслед за Ло, тропинка действительно была узкой, но один человек проходил по ней совершенно свободно. Её страх между тем прошёл, и даже наоборот, казалось, никогда прежде она не ощущала себя так хорошо.

– Звери, принцесса, здесь водятся дикие звери, – донёсся запоздалый ответ Ло, слово «дикие» было выделено особо.

Ну, разумеется, здесь водятся дикие звери, здесь же лес, подумала принцесса. Она шла не так быстро, как Ло, которую как будто кто-то подгонял, а принцессе хотелось ещё и смотреть по сторонам, и наслаждаться спокойствию, так неожиданно появившемуся в её душе. Она заметила белку, перелетающую с дерева на дерево, ежа, семенящего рядом с тропинкой, она слышала щебет птиц, жужжание насекомых, лес жил своей привычной жизнью. А они всё шли и шли, принцессе стало казаться, что тропинка будет виться бесконечно, а Ло ещё говорила, что это близко. Принцесса устала, но у неё и в мыслях не было попросить Ло сделать привал. До принцессы порою доносилось учащённое дыхание Ло, а с некоторых пор ей стало казаться, что они ещё прибавили шаг. Мы должны успеть до захода солнца, вдруг подумала принцесса. Это ведь не моя мысль, принцессе стало неудобно. Я опять поймала чью-то мысль, поняла Ти и задумалась. О своей странной особенности она никому никогда не говорила, даже отцу. Лишь её мать, королева Ла знала об этой исключительной особенности своей дочери, и она наложила запрет на эту её черту. Став взрослой, Ти поняла, что её волшебная особенность могла бы во многом помочь ей. В первую очередь, она бы никогда не потеряла трон. Но, даже теряя власть в королевстве, Ти почему-то не попыталась вспомнить и восстановить удивительное свойство её мозга. Запрет Ла действовал до сегодняшнего дня, теперь же это свойство проявилось само, как раньше, в далёком детстве. Принцесса не знала, чья это мысль. Да это было в данную минуту и не важно, поскольку принцессе сейчас было важно другое – все они в смертельной опасности. Вокруг них сжималось кольцо, что-то необъяснимо ужасное сгущалось вокруг них и с каждой минутой становилось всё ощутимее. Мне скоро будет трудно дышать, с ужасом подумала принцесса. Она взглянула в спину Ло и негромко произнесла:

– Нам надо поторопиться, Ло.

– С чего вы взяли, принцесса? – донесся резкий голос чудовища. Принцесса не ожидала, что получеловек может слышать её. Чуть поколебавшись, она все же ответила. – Я чувствую опасность.

– И где же мы, по-вашему, уберёмся от опасности, принцесса? – голос был так же резок, и к тому же в нём появилась и недоверие.

– Лучше всего нас бы укрыли высокие крепостные стены, – ответила принцесса прерывающимся голосом. Она начала задыхаться, но не замедлила ритм своих шагов.

Остановилась Ло, впервые с начала пути. Не заметив остановки Ло, принцесса натолкнулась на неё и непременно упала, если бы Ло не подхватила принцессу.

– Сэр, – встревожено крикнула Ло, – принцесса не в состоянии больше идти, она с трудом дышит.

Чудовище вернулось и подхватило принцессу на руки.

– Умоляю, – промолвила принцесса, – поверьте мне, мы в опасности. Скорее... – и потеряла сознание.

– Сэр, может нам действительно стоит поторопиться? – в голосе Ло тревога не исчезла.

– Март спокоен.

– Да, но принцесса без сознания, её придётся нести. А это значит, мы не сможем идти с прежней скоростью. И вдруг они придут раньше?

– Что ж, идём, не будем терять время.

Казалось, сегодня сумерки наступают стремительнее, чем обычно. Иван не чувствовал своей ноши, его шаг не замедлился, но всё же вечер уже наступил, а значит ночь не за горами, а как ещё далеко они от спасения.

Март начал ворчать, вот и он ощутил опасность, Иван верил своей собаке и знал, что скоро ворчание пса перейдёт в злобный рык. Но сегодня Март один, они не испугаются. Что же заставило их сегодня так рано выйти на охоту? Иван клял свою самоуверенность, сегодня, вопреки сложившейся традиции, он поддался на уговоры и взял с собой Ло. Сейчас он мог бы прибавить шаг, но Ло не сможет идти так же быстро, как и он. Она уже сейчас почти бежит. Кольцо начало сжиматься, Март почувствовал первым эту волну надвигающегося ужаса, и заскулил. А твари всё прибывали, цепенящий сознание ужас с каждой минутой надвигался всё стремительнее. Этот ужас почти овладел сознанием Ло, она не могла противиться ему, она шла машинально, сконцентрировав свои усилия на движении вперёд, а ориентиром ей служила спина Ивана, сейчас больше всего на свете она боялась упустить её из вида. Если бы Ло остановилась, они бы все погибли, каждое мгновение могло стать последним.

Иван не сдавался, шанс остаться в живых есть всегда, он убедился в этом на собственном опыте. Но сейчас он хотел одного, успеть дойти до Большого и Малого, так были прозваны две каменные глыбы. Успеет, с облегчением подумал Иван, увидев вершину Большого. Он замедлил шаг и оглянулся, убедившись в полной сохранности своего отряда, Иван опять ускорил свой шаг. Они ещё не дошли до Большого, когда Иван услышал, как Март вдруг замолчал. Иван остановился и резко развернулся, Ло не успела замедлить шаг и наткнулась на Ивана. Март стоял, не двигаясь.

– Март, что с тобой, Март? – спросил Иван, и напряжённо стал оглядываться вокруг. Но напрасно, стало уже так темно, что в трёх шагах ничего не было видно. «Неужели, всё? – с горечью подумал Иван, – мы не успели». Но Март никогда не вёл себя так перед схваткой. Пёс молчал и чего-то как будто ждал. Прошло несколько секунд, внезапно Март дёрнулся вперед и оказался за спиной Ивана. Иван развернулся следом за собакой, Ло, поддерживаемая Иваном, также покорно развернулась. И тут залаял Март, громко, но без злости. Иван вздрогнул, вокруг стояла леденящая тишина, уже давно всё живое забралось в свои норки. Зловещая тишина

не прерывалась ни шумом деревьев, ни ночными птицами. В ответ на лай Марта, где-то далеко впереди раздался еле слышный ответный лай. Март побежал вперед, потом остановился и, оглянувшись на хозяина, гавкнул.

– Стоять, Март, – приказал Иван.

Одной рукой держа принцессу, второй рукой Иван взяв Ло за плечо, крепко тряхнул её.

– Ло, очнись. Очнись, Ло, – приказал Иван. – Мы спасены, Ло, там, впереди – наши. Иди за собакой, ты поняла меня, Ло? – Иван вновь тряхнул женщину за плечо.

Но Ло никак не отреагировала ни на слова Ивана, ни на встряску. Пришлось ему взять Ло за руку и тащить за собой. Март бежал впереди, периодически он громко лаял. Через некоторое время Иван увидел оранжевые точки факелов, а ещё через несколько минут и мчащуюся навстречу им стаю собак. Собаки окружили их кольцом и теперь, идя в живом кольце, тревожность Ивана стала сходиться на нет, а Ло стала приходить в себя.

Тьма отступила, появилась луна. Очень странно, подумал Иван, и луна сегодня раньше, чем обычно. Но эта мысль осталась без продолжения, он увидел своих ребят. Иван улыбнулся, давно он не испытывал такого сильного чувства облегчения.

– Ильяс, Борис, Ян, ребята! Как же я рад вас видеть, если бы вы только знали, – облегченно выдохнул Иван, как только вооруженные до зубов мужчины приблизились настолько, что могли слышать его.

– А уж мы, командир, и не чаяли вас увидеть, – произнёс в ответ Борис деланно спокойным голосом, а, увидев принцессу на руках командира, озабоченно спросил, – тебе помочь?

– Нет, я справлюсь. Помогите Ло, она, бедняжка, совсем измучена.

Борис кивнул, и подхватил Ло. Теперь Иван мог идти гораздо быстрее, и, несмотря на то, что он был сейчас не один, всё равно им следовало торопиться. Сегодня Иван уже был наказан за свою неосторожность. Шли молча, Иван пресёк все разговоры, никто не должен был расслабляться, ведь они ещё не вышли из леса. Иван опасался не зря, вскоре луна скрылась, факелы освещали лишь малую толику пространства, собаки заворчали. У тех собак, что бежали рядом, Иван смог разглядеть вздыбленную на загривке шерсть. «Неужели нам не избежать сегодня схватки, – подумал Иван, – сегодня всё иначе, не так, как раньше», но спасение оказалось ближе, чем он полагал.

Город выступил внезапно, как и всегда. Будто из-под земли вдруг выросли крепостные стены, и отряд оказался прямо у рва. Идущий первым достал рог и протрубил, через несколько мгновений стал опускаться мост. Минута, и все вошли во внутрь крепости, мост вновь подняли, а на том месте у рва, там, где только что стояли люди, появились странные существа. Сколько их было, сосчитать было невозможно, они сливались с ночью. Иван, передав принцессу, стоял уже на вышке крепостной стены и следил сейчас лишь за одним зверем, он появился первым. Зверь подошел к самому краю рва и, наклонив морду, обнюхивал землю, и вот за ним выступил ещё один, и ещё один. Звери всё появлялись и минуту спустя, они встали по всей окружности рва.

Иван обернулся к Борису:

– Как ты думаешь, сколько их?

– Не меньше сотни.

– Тебе не кажется, что сегодня их многовато?

– Да, – хмыкнул Борис, – и подошли они слишком близко. По-моему, они в состоянии перепрыгнуть через ров.

– И вскарабкаться по стенам, – мрачно закончил Иван.

– Взгляни, кажется, они уходят.

Звери и в самом деле стали исчезать в лесу. Но Ивану всё равно было не по себе, слишком много неприятных сюрпризов преподнёс этот день. И он приказал:

– Усилить охрану.

– Есть, командир, – отчеканил Борис. Он отдал распоряжение и поспешил за Иваном. Догнав, Борис спросил:

– Ты заметил, что звери сегодня вышли на охоту раньше, чем обычно?

– Да, гораздо раньше. И сегодня вообще не совсем обычный день. Ты знаешь, кого я сегодня принёс? Кого Тарт принёс в жертву чудовищу? Принцессу Ти!

– Принцессу? У них что, произошла революция? – со смехом поинтересовался Борис.

– Весьма вероятно что-то типа того. Она многое скрыла от нас.

– Ещё бы, она ведь принцесса! А ты всего-навсего чудовище, – как всегда ирония прозвучала в голосе друга, Борис частенько поддразнивал Ивана, что ж, тот был сам виноват, что его считают таковым.

– Ты предупредил ребят, чтобы они были сегодня внимательнее, чем обычно?

– Обижаешь, командир, они же солдаты.

– Мы расслабились, Борис. И они ждут, ждут малейшего нашего промаха. Где принцесса?

– Её отнесли к тебе в дом. С ней Тая.

Глава 3. Амбиции и страхи Первого Сановника Тота

Тот мерил шагами королевский кабинет. Только что вернулись стражники с поляны и сообщили, что принцесса исчезла. Они обошли всю поляну, но следов принцессы не обнаружили. Собственно Тот и не ожидал иного, но отчего он так нервничает, сказать не мог. Да, идея отдать принцессу чудовищу, была гениальной. И как блестяще он осуществил её! Так казалось Тоту ещё вчера. Но сегодня, сегодня он жалел, что принцесса не здесь, не под его присмотром. Какой же он дурак, что испугался амбиций принцессы, возможных амбиций, к тому же. Ну и что, что она не согласилась на его опеку, подумаешь, имела права, да она бы и шагу не сделала без его ведома! А что сейчас? Где она? А вдруг чудовище не съест её? Но какова принцесса, надеть самое дорогое платье! Платье, стоимостью в полкоролевства. Тот чуть не задохнулся от гнева, когда увидел её в нём. Но приказать снять с неё платье, он не посмел.

Проклятье. Бесило ли Тота сильнее всего то, что принцесса одела это платье без его ведома, или то, что в первый раз всё пошло не по его сценарию? Он ведь утром собственноручно ошупал платье, которое выбрала принцесса. Искал, нет ли в нём потайных карманов, не сможет ли принцесса припрятать нож. Нет, он ничего не обнаружил. Затем служанка унесла платье, одев принцессу, она вышла обратно и сообщила Тоту, что всё в порядке, принцесса попросила оставить её одну для молитвы. А через полчаса принцесса вышла совсем в другом платье. Кто же ей помогал? Тот терялся в догадках. Он был уверен, что у принцессы не осталось верных людей. А если кто ей и сочувствовал, то такие боялись его, Тота, и не посмели бы помочь принцессе. Он был уверен в этом, уверен до мозга костей, уверен до сегодняшнего утра. Но действительно ли чудовище забрало принцессу?

Тот подошёл к столу, взял лежащие на нём верёвки, повертел, тщательно рассмотрел концы верёвок. Ими была привязана принцесса, единственное, что принесли с поляны стражники. Верёвки были перерезаны чем-то острым. Если предположить, что кто-то помог принцессе бежать с поляны, то где она может быть? Как ни противился Тот этой мысли, но вынужден был признать – самое безопасное место для принцессы, был этот дворец, королевский дворец Тарта. Здесь существовали тайные комнаты, скрытые переходы, Тот знал, что они есть, но за всё время своего правления, не мог добиться от прислуги, где они расположены, и как туда попасть. Никто не давал ему вразумительного ответа. Тот с опаской оглядел кабинет. С каким бы удовольствием он уехал бы отсюда к себе, но он король, он обязан жить во дворце, вернее, он почти король, и теперь, после смерти принцессы вопрос о коронации решится быстро.

Тот удивлялся своей былой наивности, он полагал, что впервые со дня объявления его правителем Тарта (Временным правителем Тарта, *пока Временным*), проведёт первую спокойную ночь, и вполне заслуженно насладится этим ощущением, осознанием, что он – единственный Правитель Тарта. Но вопреки предположению, Тот с каждой минутой мрачнел всё сильнее. День близился к вечеру, обед был нетронут, та же участь, похоже, ожидала и ужин. Сановник позвонил в колокольчик. Дверь отворилась, и неслышно вошёл Дож, его секретарь. Несколько секунд Тот пристально вглядывался в его лицо, но Дож оставался абсолютно невозмутим.

– Дож, отправь в Сартр человека, пусть разузнает о чужаках.

– Вы полагаете, ваше величество, что принцесса Ти могла сбежать?

Дож, как всегда, читал его мысли, Тоту снова стало не по себе. А что, если Дож и есть человек принцессы? Дож молод, красив, знатен. Принцесса могла увлечься им. И ведь именно Дож.... Тот спохватился, он ведь не ответил на вопрос.

– Следует предусмотреть малейшую вероятность её освобождения. Сартром правит Даг, её дядя. Ей некуда больше идти. Иди, распорядись.

Дождик поклонился и вышел. Слишком низким показался Тоту его поклон, слишком подобострастным взгляд. Едва Дождик вышел, Тот опустился в кресло, он устал. Закрыв глаза, он вернулся к прерванной мысли, а ведь именно Дождик подал ему мысль отдать принцессу чудовищу. Что ж, Тот не стал бы правителем, если бы имел склонность доверять кому-либо. Тот вновь позвонил в колокольчик, Дождя уже не было, Тот велел подавать ужин.

После ужина Тот прошёл в сад, его сопровождал Нил, камердинер. Тот опасался разговаривать во дворце, поэтому поручение Нилу Тот дал в саду. Здесь их никто не сможет подслушать. Нилу приходилось выполнять различные поручения правителя, поэтому очередное распоряжение он выслушал без малейших эмоций. Да, как раз завтра в Сартр отправляется знакомый торговец, через неделю он привезёт товар из Сартра, а заодно сообщит обо всех чужаках, появившихся за эту неделю. Этот человек оставит в Сартре своего сына, и тот будет сообщать о всех подозрительных чужаках. Сановник Тот остался доволен собой, и эту ночь он действительно провёл почти спокойно.

Дождик тоже был зол на самого себя. Как он упустил такую возможность, как принцесса! Собственными руками, можно сказать, придушил себя же. Когда Дождик упомянул чудовище и принцессу вместе, он вовсе не предполагал, что Тот может подумать о принцессе как об очередной жертве. Дождик завёл разговор о чудовище, потому что подходил срок выбора жертвы, и как секретарь, Дождик обязан был напомнить Тоту о чудовище. А следом Дождик переключился на принцессу. Проклятье! Сейчас Дождик может попроситься с мыслями о троне. И почему он не поставил на принцессу, а на этого старого идиота Тота. Впрочем, идиотом-то как раз был сейчас он, Дождик. Лишь когда Тот упомянул о будущем замужестве принцессы, как о потенциальной опасности для трона Тота, Дождик осознал, какую чудовищную оплошность он совершил. Разумеется, на троне Тарта никогда не сидела женщина, но ведь принцессе необязательно было править, он мог бы делать это за неё. Сначала стать её мужем, а затем и королём.

Но вместо того, чтобы стать другом принцессы, он стал её врагом. Он искренне полагал, что избавившись от принцессы, он освобождает себе дорогу к трону. Похоже, он удлинит её. Дождик никогда не планировал избавляться от принцессы таким чудовищным образом, он предполагал отправить её к дяде в Сартр, или в лесной домик. Подальше от подданных, от сановников, от власти. Вдруг принцесса ещё понадобится? Но переубеждать Тота не отдавать принцессу Ти чудовищу, было бесполезно. Все сановники под властью Тота, он сам помог ему в этом. А теперь не захочет ли Тот избавиться от него, Дождика? Что ж, Дождик сделал бы то же самое. Да, он сам виноват. Сановник Тот заметил ещё тогда удивление Дождика, которое Дождик не смог скрыть. В том разговоре об опасности Тоту, если принцесса вздумает выйти замуж. Да, для Дождика это было как снег на голову, он считал себя очень хитрым, а сам не подумал о таком простом пути. В тот момент Тот всё прочёл на его лице. Первый Сановник полагал, что Дождик является его человеком. Да, так оно и было, пока планы Дождика и Тота совпадали.

А тут ещё это платье, Дождик подsunул платье принцессе, зная, что она не откажется. Она ведь изъявила такое желание, Тот отказался исполнить его. А Дождик его осуществил, чтобы уязвить Тота. Дождик заметил, как испугался Тот, но, в отличие от Тота, Дождик не питал иллюзий относительно освобождения Ти. Он пытался уговорить кое-кого спасти Ти, но никто не согласился прийти в лес и под носом у чудовища увести принцессу. Он бы и сам попробовал сделать это, но он должен был быть рядом с Тотом, иначе было бы не избежать новых подозрений. Как же быстро Тот организовал Ассамблею! В один день Первый Сановник Тот объехал всех членов Ассамблеи! Если бы не эта головокружительная быстрота, Дождик непременно нашёл бы нужного человека в Сартре.

Разумеется, Дождик пошлёт человека в Сартр, но на месте принцессы, Дождик ни за что бы не отправился туда, Даг слишком труслив, он не встанет на защиту племянницы-принцессы. Самое безопасное место был дворец Тарта, если бы Дождику удалось спасти принцессу от чудовища, именно во дворце Дождик спрятал бы девушку. Тот предусмотрительно приставил к Дождику

соглядатаев, и Дожу не представилась возможность за это короткое время не то что уговорить Ти на побег, но даже и один раз переговорить с принцессой наедине оказалось невозможным, не навлекая на себя подозрений Первого Сановника, а лишиться должности Дож себе позволить не мог. Секретарь Правителя Тота не только слышал о лабиринтах дворца, он сам был в них. Один раз, ещё в детстве. От нечего делать, Дож следил за древним королевским мажордомом. Дож жил во дворце с детства, с юных лет привыкая быть придворным. Шаркающая походка Хвы заглушала шаги Дожа в гулком переходе, и вдруг Хва исчез прямо перед носом у Дожа, мальчик только на секунду отвёл взгляд со спины Хвы. С круглыми от удивления глазами, Дож продолжал идти по переходу, ему представлялось, что вот он также пропадёт сейчас, как Хва, может, Хва упал в самооткрывающийся люк? Когда у тебя на глазах исчезает человек, невольно поверишь во все эти сказки о дворце. О дворцовом подземелье, тайных переходах, дверях, люках. И всё же дрожа от страха, Дож так и шёл след в след за мажордомом. Мальчик боялся и для уверенности, цеплялся одной рукой за стенные панели. Когда его рука неожиданно провалилась, он тихонько пискнул, сам не узнав от страха своего голоса. Перед ним был вход, видимо Хва неплотно закрыл дверь, выходит, нет никакого люка, а здесь находилась тайная дверь. Дож шагнул в проём.

Очутившись в тайном переходе, Дож закрыл за собой дверь, здесь было светло, свет отражался в зеркалах. Долго брёл Дож, а коридор всё не кончался. Дож сообразил, что вероятно двери, как и с той стороны коридора, здесь тоже тайные. Но где бы ни пытался выйти Дож, у него ничего не получалось. Хву он не встретил, устав, Дож лёг прямо на пол и уснул. А проснулся он в своей кровати, простуженным от долгого блуждания по холодным коридорам. Болезнь скрыла этот инцидент в его памяти, словно это был болезненный кошмар, и лишь спустя несколько лет, услышав разговор о тайных комнатах дворца, он вспомнил случай, произошедший с ним в детстве, и поверил в него. Он никому не доверил своей тайны, попробовал сам проникнуть в тайные коридоры, но, сколько бы он не пробовал, ни одна панель того перехода, так и не открылась ему больше. Но если бы принцесса была сейчас здесь, Дож знал, кто бы открыл ей потаённые комнаты дворца.

Утром, отправляя в Сартр гонца, Дож дал ему более обширное задание, чем было велено Тотом. Явившись после к Тоту, Дож уверился в своей опале, Тот приказал Дожу лично проследить за ремонтом Летнего дворца. Тот отсылал Дожа с глаз долой. Летний дворец начали перестраивать ещё при жизни короля Льва I, незадолго до его кончины, работы прекратились, возобновить работы этой весной распорядился, став правителем, Тот. Необходимость в присутствии Дожа, Тот объяснил затягиванием работ, и, по мнению Тота, только Дож мог наладить работы и только под его неусыпным контролем, ремонт дворца мог закончиться в установленный срок. До Летнего дворца было несколько часов пути, следовательно, Дож будет получать новости с недельным опозданием, если не возникнет ничего срочного, потому что только раз в неделю повозка из Летнего дворца отправлялась в Тарт.

Тот приказал Дожу ехать немедленно, то есть сегодня. Дворец должен принять гостей уже через два месяца, Тот намерен пригласить туда короля Дага, обсудить присоединение Сартра. Обсуждать такой деликатный вопрос здесь, в Тарте, Тот считал неуместным. Дож поклонился Тоту и поблагодарил за оказанную честь, но всё же посмел напомнить правителю, что он ведь не архитектор, и ничего не смыслит в строительстве, его появление может, наоборот, приостановить ремонт. Но Тот не желал слушать возражений Дожа, он был уверен, что только Дож может справиться с таким важным поручением. Дожу ничего не оставалось делать, как подчиниться. Приказ короля – закон. Дож вышел, еле сдерживая негодование, Тот оставил его.

На этот раз Сановник Тот был доволен собой, он нашёл причину, по которой Дож уедет сегодня из Тарта. Но всё равно ему было беспокойно. Дож очень много сделал для воцарения Тота, и Тот был уверен, что Дож делает это небескорыстно. И отнюдь не должность Первого Сановника предел мечтаний Дожа. Но Тот слишком долго ждал своего часа, чтобы так быстро,

как желает Дождь, покинуть трон и передать корону Дожу. Вообще-то Тот отнюдь был не против воцарения Дождя после своего правления. Но Тот собирался править ещё долго, и очень сомневался в терпении Дождя дожидаться естественного хода событий. Хорошо, что он не поторопился сделать Дождя сановником, изгнать сановника из королевства ох как непросто. А после переговоров с Дагом, можно будет отправить Дождя в Сартр, кому-то ведь нужно будет заниматься подготовкой присоединения Сартра.

После разговора с Дожем Тот занялся текущими делами – просмотрел вчерашнюю тартскую сводку. В ней занесены были все, сколько-нибудь значительные происшествия, случившиеся в Тарте за вчерашний день. Опять подрался одиннадцатилетний отпрыск стекольщика, этот парнишка был настоящим чертёнком, редкий день он не упоминался в сводке. Впрочем, Правитель Тот не отметил ничего стоящего внимания, что достойно попасть в тартские хроники. Ещё было подано пять прошений на заключение брака, три невесты – из Сартра, согласие короля Дага прилагалось. Сейчас он будет бегать вместо секретаря, Тот недовольно закричал, но делать нечего, он взял прошения и прошёл в библиотеку дворца. Здесь хранились тартские хроники, архивариуса где-то не было, что, впрочем, было на руку Тоту. На конторке лежал последний том хроник, раскрытый. Тот пробежал глазами последнюю запись. Она гласила:

...12 июня сего 526 года от начала Времени, низложенная принцесса Ти, дочь короля Льва I и королевы Ла, по решению Ассамблеи Тартра, состоявшейся 11 июня сего 526 года, была отведена стражниками Коем Энсом и Гаем Торном под командованием лейтенанта Роя Зена на заповедную поляну Тёмного леса, где была привязана к дубу и оставлена на заклятие чудовищу.

По прошествии трёх часов оные стражники, вернувшись на поляну, принцессу не обнаружили. Верёвки, связывавшие принцессу, были перерезаны и брошены возле дуба. Иных предметов, как и следов, по коим можно сделать вывод об участии настигшей принцессу, по уверению стражников, тщательно обследовавших поляну, обнаружено не было...

Хроники Тарта, они ведутся от первого дня Времени. Все тома находятся здесь, их можно было бы прочесть, если бы Тот умел читать на древнем языке. Этот язык считается утраченным. Тот многое дал бы, чтобы прочесть сейчас первые хроники. Он никогда не любил читать, книги казались ему скучными, он засыпал над ними, но не теперь бы. Тот чувствовал, что в первых хрониках есть ответы на многие вопросы. Прочёл ли их его повелитель, король Лев? Он никогда не говорил о владении древним языком, лишь перед смертью, находясь в бреду, бросил фразу: тартские хроники, там.... Лев не закончил фразу, возможно Тот никогда не обратил бы внимания на неё, если бы не застал как-то Ти в библиотеке, уже после смерти короля, у неё в руках был первый том тартских хроник.

Однако пора идти, он придёт сюда завтра. У него есть важный повод, чтобы дать ответ на прошения на брак, следует взглянуть на генеалогические древа женихов и невест. Не переплетаются ли слишком близко ветви древ брачующихся. У Тота будет возможность поговорить с архивариусом, найти к нему подход. Архивариус должен знать, умел ли читать Лев на древнем языке, знала ли его Ти, и знает ли этот язык сам архивариус. И почему Тот всегда полагал, что самое тяжёлое для него будет, это добиться королевской власти? Удержать её, вот что, похоже, становится настоящим испытанием для Тота.

Глава 4. Первое утро принцессы в Лесном городе

Принцесса пробудилась назавтра ото сна, когда всюду светило солнце, и все страхи предыдущего дня уже испарились. Её разбудил звонкий детский смех, он доносился из открытого окна. И принцесса, открыв глаза, обнаружила себя в небольшой аккуратной спальне, лежащей на кровати. Деревянные стены, невысокий потолок, простая обстановка, напомнили ей королевский охотничий домик, каким он был в раннем-раннем её детстве. «Всё это сон, – подумала принцесса, – я, привязанная к дереву в ожидании смерти, странное существо с человеческим торсом и звериной головой, и этот надвигающийся ужас. Это был лишь сон. Я у себя в королевстве, и я всё ещё принцесса Тарта». Принцесса улыбнулась и закрыла глаза. Но сон больше не приходил, а вместо него появилась тревога, как она здесь очутилась, принцесса как не силилась, вспомнить не могла. Надо было вставать, принцесса откинула одеяло и спустилась с высокой кровати. Комната была небольшой, всего одно окно, кровать, шкаф, стул и туалетный столик, вот и вся мебель. В изголовье кровати на стене висел ковер, на полу лежала овечья шкура, в углу кирпичная кладка, видимо, печь и закрытая дверь, завершали описание помещения. Девушка обнаружила себя одетой только в нижнюю сорочку, может, её платье висит в шкафу? Но Ти точно знала, что даже будь её платье разложено сейчас перед ней, со всеми расстегнутыми пуговицами, она бы всё равно не смогла его надеть самостоятельно. Но не разгуливать же ей в одной сорочке! Ти пришлось завернуться в одеяло. Она подошла к окну и увидела совсем не то, что бы ей хотелось. Всё было абсолютно незнакомым. Внизу, под окнами, играли три прехорошеньких девочки. Они не замечали принцессы, стоящей у окна, но пробуждение принцессы не осталось незамеченным. Кто-то поспешил в дом.

В дверь комнаты Ти негромко постучались, и, не дождавшись ответа, дверь тихонько отворилась. В комнату вошла девушка, она поклонилась и произнесла:

– Доброе утро, принцесса, простите меня, я не думала, что вы проснётесь так рано. Я, надеюсь, вы хорошо выспались? Я принесла вам одежду, ваше платье слишком роскошное, чтобы носить его повседневно.

– Ия, это ты? – удивилась принцесса. Ия была последней девушкой, похищенной чудовищем, вернее теперь уже предпоследней, последней, семнадцатой, стала она сама.

– Да, принцесса, это я. Мне приятно, что вы узнали меня и помните, как меня зовут.

– Где я, Ия?

– В Лесном городе. Вам всё расскажут, принцесса. Позвольте, я помогу вам одеться, после я принесу вам завтрак.

Ти, с помощью Ии, облачилась в простое скромное платье, и приступила к завтраку в одиночестве. Ия принесла поднос с завтраком, спросила, не нужно ли ещё что-нибудь принцессе. Получив отрицательный ответ, удалилась. Принцесса не возражала против ухода Ии, ей было неловко смотреть девушке в глаза. Хотя сама принцесса никогда не участвовала в выборе жертвы, она всё-таки была принцессой и чувствовала ответственность за все указы, изданные в королевстве. Позавтракав, принцесса стала ждать того, кто ответит на все её вопросы, как пообещала Ия. Ей не было ни скучно, ни утомительно от ожидания в одиночестве, воображение принцессы не позволяло скучать ей.

Решительный, громкий стук в дверь, никак не напоминающий предыдущее робкое поскрёбывание Ии, прервал размышления принцессы. Принцесса встала со стула, на котором сидела, провела, приглаживая, ладонями по волосам и произнесла.

– Входите.

Массивная дверь распахнулась резко, и в комнату вошёл мужчина. Ростом, телосложением он так напоминал чудовище, что перед глазами принцессы промелькнул весь предыдущий день, по крайней мере, до того момента, как она потеряла сознание на руках Ло. Вот только

голова его была сейчас отнюдь не звериная, а вполне нормальная, человеческая. Но лица его не было видно, верхнюю часть головы скрывала полотняная маска, с прорезями для глаз, нижнюю – густая борода. А одет вошедший был в одежду, пусть не совсем обычную для Тарта, но он не был покрыт шерстью, как вчерашний её собеседник. Мужчина произнес:

– Доброе утро, принцесса, – а вот голос был точно такой же, как у чудовища, звучал уже не глухо, но по-прежнему непривычно было его произношение. Выходит, нет никакого тартского чудовища, это лишь человек в звериной маске?

– Доброе утро, надеюсь, оно и в самом деле будет доброе, – ответила Ти.

– Не сомневайтесь, принцесса.

– Я бы хотела знать, где я нахожусь и кто вы. И не зовите меня больше принцесса, пожалуйста, я ведь уже ей фактически не являюсь.

– Я думаю, вы ошибаетесь. Вы по-прежнему принцесса, не сановник Тот сделал вас принцессой, не ему и свергать вас. Вы хотите знать, куда попали? Идёмте на экскурсию по Лесному городу. Я расскажу вам, кто мы и как очутились в вашем королевстве.

Ти согласно кивнула, в сопровождении этого странного человека она вышла из комнаты и попала прямо в кухню, откуда, обогнув добротную печь, размером с четверть дома, выложенную прямо посередине, они попали в просторный зал. Обстановка и здесь была самой аскетичной, массивный деревянный стол, скамья, несколько стульев, шкаф, и только, украшением комнаты была лишь карта Тарта, висящая на стене, в проёме между двумя окнами, всё это принцесса заметила вскользь, её спутник двигался энергично, и направился сразу к входной двери. Подождав, пока принцесса нагонит его, лесное чудовище распахнуло дверь наружу и жестом пригласило девушку проследовать за собой. Ти глубоко вздохнула, и, шагнув через порог, оказалась на высоком крыльце. Она огляделась по сторонам, увидела дома, дорогу, дальше кусочек крепостной стены и вышку со стражником, а ещё площадь, она начиналась совсем рядом, в несколько десятков шагов. Туда принцесса и направилась по приглашению чудовища. Они остановились возле столба с колоколом.

– Принцесса, – произнёс этот странный человек, – сейчас вы познакомитесь не только со мной, а с большинством жителей нашего Лесного города.

И он ударил в колокол. Услышав звон колокола на площадь стали стекаться люди и вскоре заполнили её всю целиком. Мужчины, женщины, дети разных возрастов, от уже подростков, до грудных младенцев, которых несли на руках, среди пришедших на площадь не было заметно только пожилых людей.

Некоторые женские лица были знакомы принцессе, это были они – жертвы, отданные на заклятие тартскому чудовищу её отцом, королём Тарта. Ти стало не по себе, сердце забилося чаще, на щеках заиграл нездоровый румянец, как будто она опять на заседании Ассамблеи, и ей готовятся вынести приговор. Правда, сейчас её окружали не сановники, стыдливо отводящие от неё взгляды, а вполне обычные люди, даже проявляющие дружелюбие. Все женщины улыбались Ти и многие приветствовали её как принцессу Тарта. Вот рядом с Ти встала Ия, прошлогодняя жертва, предназначенная чудовищу. Она не выглядела ни затравленной, ни забитой, наоборот, она выглядела счастливой и весело улыбалась стоящему рядом с ней мужчине. И они держались за руки! Когда все собрались, тот, кто привел её сюда, сказал:

– Друзья, все вы знаете, что вчера с нами пришла новая девушка. Это не обычная девушка и если кто-то ещё не верит, что это принцесса Ти, то сейчас, я думаю, все женщины Тарта убедились в этом наяву. Принцессу привели сюда обстоятельства, в которые она попала волею судеб, впрочем, как и все мы. Принцесса остаётся у нас. Я полагаю, что все мы будем внимательны к принцессе, снисходительны и поможем ей прийти в себя, она пережила вчера нелёгкие часы.

Чудовище закончило свою речь. Повисла тишина, но она длилась недолго. Один из мужчин, с вызывающим взглядом, спросил:

– Нас всех интересует, где будет жить принцесса. Я, и моя жена Син, готовы предоставить принцессе свой дом и познакомить с той жизнью, которую мы ведём здесь.

– Принцесса остановилась в моем доме, Джек. И я буду рад, если она останется до тех пор, пока окончательно не определится со своим будущим. В моём доме достаточно места для принцессы, но оставим этот вопрос до вечера, принцесса немного освоится и сама решит, где ей жить, по-моему, это будет приемлемо. А теперь, – чудовище обернулось к принцессе, – я познакомлю вас с теми, кто здесь есть. Здесь не все, многие несут службу. Это Джек, его, я думаю, вы уже запомнили, его жена Син, полагаю, вы её узнали. А это Андрей, Давид, Сэм, Юлий, Александр, Владимир..., – чудовище перечисляло и перечисляло всё новых и новых людей, все имена уже смешались в Тиной голове. Но больше всего её поразили не незнакомые имена, а то, что каждый мужчина подавал ей руку, а в ответ она должна была подать свою и пожать протянутую ей руку! Странное приветствие. До сегодняшнего дня она никогда не делала этого, и даже не предполагала, что вот так запросто можно пожать руку мужчине, если он не твой близкий родственник. За всю свою предыдущую жизнь Ти пожимала только две мужские руки, своего отца и дяди Дага. Ти ощущала некоторую неловкость, но видимо здесь её ждут и другие сюрпризы. Женщины, представляясь принцессе, делали реверанс, Ти знала имена всех тарток, принесённых в жертву, сейчас ей оставалось только привязать их имена к тем лицам, чьих она не помнила по малолетству. Только одна из женщин не сделала реверанс, ей это не позволяла сделать хромота, это была Брижит. Она-то больше всех и поразила принцессу, нет, не тем, что она была здесь, Брижит была похожа на её мать. Ти вспомнила, что мать Брижит была тоже родом из Сартра, как и королева Ла. Ти подумала, что будь её мать жива, они были бы похожи с Брижит, как две сестры.

После того как чудовище познакомило её со всеми присутствующими, люди с площади стали расходиться. Все они пригласили принцессу в гости, и принцесса пообещала посетить каждый дом этого лесного города. Потом чудовище пригласило принцессу следовать за ним дальше, осматривать город.

– Вы познакомили меня со всеми. Но как мне называть Вас, вы не сказали.

– Меня зовут Иван Сергеевич Лютаев, когда-то я был лейтенантом, лейтенантом Советской Армии. Вы можете называть меня по имени, или фамилии, или по званию, как вам удобно. Когда в Лесном появились американцы, Джек и Сэм, у нас прижилось ещё одно обращение – сэр, если вам нравится, можете и так ко мне обращаться. Сейчас я являюсь градоначальником Лесного, слишком громоздкое слово. Я прошу, не обращайтесь ко мне так, принцесса.

– Вы правитель Лесного города? – уточнила Ти.

– Да. Меня избрали большинством голосом все жители Лесного. А сейчас идёмте дальше, у нас ещё маленький городок, мы его быстро обойдём.

Принцесса последовала дальше за этим человеком, обладателем такого удивительно длинного имени. Она всё ещё находилась в состоянии почти полного изумления, и решила, что после, когда будет одна, она всё осознает, теперь же Ти просто впитывала поступающую информацию, и старалась ничего не забыть. Принцессе пришлось ускорить шаг, здешний правитель шёл очень быстро, а когда остановился, Ти впопыхах чуть не налетела на него. Принцесса огляделась, они находились на ровной площадке, вернее поляне от нее полукругом поднимались амфитеатром деревянные скамьи.

– Что это? – полюбопытствовала принцесса.

– Это наш местный амфитеатр, место, где собираются все горожане, площадь, где мы с вами были, стала слишком мала, она уже не вмещает всех жителей Лесного. Поднимемся наверх.

Они поднялись и сели на предпоследнюю скамью, город предстал перед ними как на ладони. Высокий забор ограждал город со всех сторон, сейчас ворота, выходящие к реке, были открыты, Лесной город напоминал пасторальный Сартр, где вот также спускался к реке.

Вытоптанная до пыли дорога, низенькие домики скрыты в зелени палисадников, над трубами вьётся дымок и доносит запах испечённого хлеба, и от этого сосёт под ложечкой. Но чуть переведёшь взгляд, как увидишь сторожевую вышку, и часового на ней, и удивительных железных созданий, охраняющих этот город, эти пугающие Ти машины застыли изваяниями, но всё равно внушали трепет. Большой мир менялся, прежде никогда подобные машины не появлялись в Тарте.

– Это последнее, что я хотел показать вам, отсюда всё можно увидеть, вон там – мой дом, – показал Иван, Ти проследила за его рукой, и узнала его. – Мы можем возвратиться назад, если устали, – сказав это, Иван замолчал, потом добавил. – Но если хотите, я расскажу вам, как мы попали сюда.

Принцесса выразила согласие, а Иван в ответ не произнёс ни слова, похоже, задумался, через несколько минут, принцессе пришлось напомнить о себе:

– Лейтенант Иван, а почему вы закрываете лицо?

– Я расскажу вам всё, начиная с того дня, с которого всё и началось, – произнёс спутник Ти, – итак, слушайте...

Глава 5. Рассказ Ивана Лютаева.

Странное пробуждение

Это случилось почти восемнадцать лет назад, летом 1981г. В мотострелковой роте, где я служил, проходили обычные армейские будни. В тот день у нас были запланированы марш-бросок с полной выкладкой по пересечённой местности, в основном по лесу, и стрельбы на полигоне. Всё максимально приближено к боевым условиям, если бы не эти обстоятельства, принцесса Ти, боюсь, мы бы с вами не беседовали сейчас. Личного состава было сто четырнадцать человек, дополнительно с нами были отправлены полевая кухня, и фельдшер с санитаром, командовал ротой капитан Невеличко. Рано утром мы выдвинулись из части на двух БМП и армейских ЗИЛах, по плану мы прибыли в назначенный квадрат, где наша рота разделилась, техника отправилась в объезд, остальная часть роты под общим командованием старшего лейтенанта Снежина должна была совершить марш-бросок через лес.

Сколько раз после я вспоминал этот день поминутно, прокручивая его в памяти раз за разом.

Наш марш-бросок занял несколько больше времени, чем было рассчитано, накануне несколько дней шли сильные дожди, вода в реке поднялась, в том месте, где изначально планировалась пересекать речку, стало опасно переправляться, поэтому мы были вынуждены искать другое место для переправы. Это было досадное обстоятельство, впрочем, задержка не составила и получаса.

Но марш-бросок оказался не только затяжным, но и очень утомительным не только из-за густого леса, расстояния или полного снаряжения, духота и жара сделали этот переход в разы тяжелее, как будто мы преодолели не 5—6 километров, а все 15. Все устали, после вчерашнего сильнейшего ливня, сегодня пришла дикая жара уже к одиннадцати дня, влажность зашкаливала, командир распорядился об отдыхе. Полевая кухня уже была здесь, на стрельбище, мы пообедали, отдохнули, пришли в себя, стали готовиться к стрельбам, но неожиданно погода резко испортилась, подул шквалистый ветер, пришла гроза. Дождя почти не было, но порывы ветра были страшными, чуть не улетела наша санитарная палатка, гнулись стволы деревьев, ломались и отлетали ветки, одно дерево с жутким треском повалилось рядом с нашей машиной. Погода, гроза ушла, а порывы ветра остались, и было, похоже, что гроза может вернуться, командир связался с командованием, и получил приказ возвращаться в часть.

Чтобы вновь не попасть в грозу, и быстрее оказаться в части, решено было срезать обычный путь, проехать по лесной дороге. Командир выслал один БМП вперёд на разведку, узнать, нет ли в лесу поваленных деревьев, капитан хотел убедиться, что по лесной дороге мы проедем беспрепятственно. БМП спокойно доехал до брода, где мы утром переходили реку, ребята сообщали, что всё нормально, больше поваленных деревьев не было, дорога, хотя и узкая, проехать можно, они остались ждать нас там. Мы выдвинулись со стрельбища к лесной дороге примерно через полчаса после наших ребят. Грозовые тучи вновь закрывали небо, стало темно, а в лесу тем более, и похоже, не заметив развилку, наша первая машина проехала мимо верной дороги, дорога ответвилась не резко, от того и не заметили сразу, что едем неверно. Когда поняли, что дорога уходит в сторону, остановились, с трудом развернувшись, стали искать ту треклятую развилку, но не нашли. Попытались сообщить в штаб о нашем местоположении, но со штабом связаться не удалось, в эфире раздавался лишь треск, видимо из-за грозы связь нарушилась, издали по-прежнему доносился гром, виднелись сполохи молний. С нашим БПМ, ждущим нас у брода, поговорить получилось, хотя и с трудом, командир приказал ребятам двигаться нам навстречу. Опять началась гроза, по-прежнему дождя почти не было — только порывы ветра, молнии, гром, треск деревьев, и редкие дождевые капли. Мы продвигались впе-

рѣд, но так и не встретили наш БМП, больше с нашими ребятами из того БМП, связаться не удалось, из рации раздавался только треск. Гроза стихла, мы заглушили моторы, но не слышали звуков от мотора БМП, только шум деревьев.

Капитан отдал приказ о ночлеге прямо здесь, в лесу, а утром либо найдѣм развилку, либо вернѣмся на стрельбище. Стали располагаться на ночлег, жара и духота спали к этому времени, стало легче дышать, но неожиданно нас вновь накрыла волна влажной духоты, прошла через наш лагерь, и растворилась, может, это ветер принѣс её? Мне на несколько мгновений показалось, что всё вокруг неуловимо изменилось, даже воздух стал иным, но это впечатление длилось ничтожно мало. Выставив часовых, мы легли спать, у меня немного болела голова, наверное, от жары, но вечерняя прохлада спасла меня, я уснул мгновенно, едва успев лечь. Немного, разумеется, позавидовав ребятам, что были сейчас в части, наверняка они уже спали в своих кроватях, угораздило же меня попасть в эту роту и на эти учения, и как мог Невеличко задать неверное направление, и почему БМП нас не нашѣл.

Подъѣм был ранний, завтрак, сбор, прошли как обычно. Не было ничего странного, ничего, что могло бы нас смутить, заставить задуматься. Все были в сборе, всё на месте, короче, вроде всё в порядке. Нет, неверно, было одно необычное обстоятельство – свора собак. Она прибилась к нам ночью. Вчера, когда мы искали переправу на марш-броске, видели невдалеке компанию мальчишек у реки. За ними на приличном удалении расположилась свора собак, очевидно, это свора и прибилась к нам. Не знаю, что это была за порода, да и порода ли вообще? Но собаки были мощные, сильные, они внушали уважение к себе, прогонять их никто и не подумал, возможно, это была бродячая семья, поэтому они были так похожи друг на друга? Собаки были потрёпанные, неухоженные, возможно, надеющиеся на объѣдки от нашего ужина. Как бы то ни было, они остались с нами.

После завтрака наш командир распорядился связаться со штабом, но радист не смог вызвать штаб, он вообще никого не смог вызвать, в эфире стояла абсолютная тишина, даже треска не было никакого, может, из-за вчерашней грозы что-то произошло с рацией? Но рация была в исправном состоянии, так утверждал радист, но чтобы никого не поймать в радиоэфире, такого быть не может, мы ему не поверили, вероятно, вчерашняя гроза вывела из строя рацию, точно. Капитан отдал распоряжение построиться, и мы, погрузившись в машины, двинулись в заданном направлении. Но проехали немного, лесная дорога сегодня вдруг испарилась, хотя было трудно назвать дорогой тот путь, по какому мы были вынуждены перемещаться до сих пор, но всё же дорога вчера здесь была. Теперь же перед нами был абсолютно непроходимый лес. Кто-то заметил, что лес, кажется, сегодня дремучее, чем вчера, ели просто гигантские какие-то. Лично я не мог ни согласиться, ни опровергнуть данное заявление, на ночлег мы устраивались уже в сумерках, возможно, лес и изменился, если мы заехали вглубь. Капитан сверился с картой, навигация была верной, лесная дорога на карте значилась. Явная нелепость, но дороги-то мы всё равно перед собой не наблюдали, сколько ни смотри в карту. Выход был один – возвращаться по пути, которому приехали сюда, неужели и сегодня повторяется вчерашняя история с развилкой, мы опять свернули не туда? Пришлось разворачиваться, с трудом развернувшись, наша колонна поехала назад. Но проехали мы вновь немного, дорога опять стала не проезжей, и это на нашей технике! БМП ещё мог проехать, но вот ЗИЛы, если перед ними не будет ехать БМП – застрянут. Что за чертовщина происходила такая? Вчера мы ехали нормальной лесной дорогой, ехали бы и дальше, если бы не обнаружили, что проехали развилку, очевидно, в сумраке не заметили. Где вчерашняя нормальная дорога? Ведь я лично бежал по ней на марш-броске, если бы не это обстоятельство, я бы усомнился в ней, но это была хорошая лесная дорога вчера, что с ней случилось сегодня?

Капитан распорядился о вынужденном привале. Что было делать? Рация молчала по-прежнему, надо было искать путь из леса. Одно отделение на БМП под командованием старшего лейтенанта Снежина капитан отправил в близлежащее село, обозначенное на нашей

карте, попробовать выйти на штаб по телефону, если, конечно, телефон там имелся и работал, и привести проводника. Ещё одно отделение под командованием прапорщика Лосева было послано искать дорогу через лес. Все остальные остались ждать. Прошёл час, вернулся БМП с одним водителем и радистом, дороги к селу не было, и лейтенант отправил БМП к нам обратно, сам с оставшимися бойцами отправился в село. Прошло ещё два часа, вернулся Лосев, какую-то дорогу они нашли, хотя по выражению Лосева по ней проезжали последний раз сто лет назад, но прапорщик заверил, что проехать по ней можно. Стали ждать возвращения снежинского отряда. Было совсем не по себе от этого ожидания, от этой неизвестности. До села было ходу ну часа два от силы, ещё час в селе, ребята должны были проявиться часам к трём железно, пришло время и трёх и четырёх часов, но никто не вернулся.

Вчерашняя свора собак была по-прежнему с нами, сегодня они уселись хотя и в отдалении, но уже были ближе, чем вчера, я заметил, что в своре было три взрослых особи, и шесть 4—5 месячных щенков, была ещё одна собака, державшаяся обособленно, как от нас, так и от других собак, позже я заметил, что собака хромот, может, её покусали собаки из стаи, хромоножка не была похожа на стайных собак. Кое-кто из солдат поделился с ними своим завтраком, я отдал остатки своей еды хромой псине, все развлекались в этот вынужденный простой как могли.

Когда, наконец, появился снежинский отряд, было уже начало девятого вечера. Ещё до того, как мы выслушали отчёт Снежина, мы поняли, что ничего хорошего он нам не сообщает, на лицах вернувшихся ребят явственно читалось недоумение, изумление, и были они какими-то потерянными. «Поселения, людей – нет, дороги к части – нет», – такое сообщение мы услышали от Снежина после возвращения. Далее старший лейтенант Снежин доложил, что в радиусе десяти километров от предполагаемого населенного пункта никакого человеческого жилья не обнаружено, кругом один лес и поля. Сначала ему никто не поверил.

– Да, я понимаю, товарищ капитан, что это звучит нелепо, но это так. Мы вышли к селению, вернее к тому месту, где оно было ещё вчера, мы же видели его вдалеке на марш-броске, но в том месте, мы не обнаружили ни одного человеческого следа, ни одного намёка на жильё. Там нет дороги, по которой мы вчера проехали, там один лес. Мы прочесали вокруг всё, что возможно, но никого не обнаружили. На БМП проехать невозможно, мы не нашли наше стрельбище, на том месте лес стоит стеной. Короче, мы точно не там, где были вчера. Чертовщина какая-то, Олег Борисович. Знаете, – Снежин замаялся, – я вот подумал, пока мы возвращались, а может, нас перевезли спящими ночью в другое место?

– Слава! Что ты говоришь? Нелепость какая. А часовые? – капитан Невеличко был потрясён.

– Что же вы не верите мне, товарищ капитан? Хорошо, пошлите ещё группу. Вон, Лютаева, например. Может, те пятеро человек, что со мной были, тоже не заметили вчерашнее село?

А возможно, Снежин и прав, подумал я, нас одурманили каким-нибудь газом и сонных перевезли. Может, мы участвуем в каком-нибудь секретном эксперименте? Может, мы нарочно свернули не туда? Я был ещё, по сути, совсем мальчишкой, только-только окончил военное училище, моё поспешное назначение командиром взвода тоже было странным, я только был в часть, роту отправляли на учения, а один из взводов был без командира. Мне всё казалось подозрительным в тот момент, и я был готов предположить самое невероятное, но не то, что происходило с нами в действительности. Я предложил допросить часовых, но все как один утверждали, что прошедшей ночью было тихо, ничего подозрительного замечено не было. Ночь была, хоть глаз выколи, в двух шагах ничего не видно, заметил только один.

Полагать, что все они были загипнотизированы, а нас перевезли всех спящими, звучало дико, нет, это уже было из области фантастики. Сначала. Но потом это стало уже казаться единственно верным предположением. Да, покидали нас спящих, а для достоверности прихватили вчерашних собак, подумал я. Но в тоже время я мог поклясться, что утром мы проснулись

на том же самом месте, на каком уснули накануне. Скопировать местность один в один, разве это возможно? Хотя, весьма вероятно, и местность была другая, но очень похожая, лес ведь везде похож. И всё же неужели возможно втихаря перевезти больше ста человек из густого леса в другое место, уложив их спать точно так же, как они уснули, и никого не перепутать? Нет, это невероятно, чем больше размышлял я на эту тему, тем нереальнее мне казалось осуществить эту затею. Но тогда где мы сейчас, каким образом мы очутились здесь? Посовещавшись, мы решили, что где бы мы не находились сейчас, то всё равно где-то рядом должно быть какое-то поселение.

– Лейтенант Лютаев, – приказал мне капитан, – возьмите Лосева, ещё ребят на своё усмотрение, обследуйте дорогу в направлении предполагаемого села ещё раз очень тщательно и округу вот в этом радиусе, – капитан показал мне на карте. – Даю вам не более шести часов в одну сторону. Вы должны вернуться до захода солнца. В крайнем случае, если вы заметите какое-то селение, а времени на обратный путь до захода солнца не хватит, разрешаю вам переночевать там. Но повторяю, в крайнем случае, возвращаться ночью я вам запрещаю. Это приказ, никаких передвижений ночью. Завтра с восходом солнца выступаете.

– Есть, товарищ капитан.

Выбрать ребят из своего взвода я предложил прапорщику Лосеву, он лучше их знал, я ещё не прослужил в части и месяца. На рассвете наша группа двинулись в сторону последнего поселения, виденного нами. Мы получили приказ пройти как можно дальше снежинской группы. Ещё одну группу Невеличко послал в другую сторону. Мы продвигались по следам снежинского отряда, дорога свернула, выводя нас из леса к месту, где позавчера, согласно карте, мы свернули с дороги, для сокращения пути. Мы потоптались на том же самом месте, где и снежинский отряд вчера, и двинулись по их следам в сторону села.

– Что, Лосев, – натужно весело спросил я, – попали мы, да?

Лосев не разделил мою веселость. Он спросил меня весьма серьёзным голосом

– Товарищ лейтенант, а вы ничего странного не заметили?

– А что, товарищ прапорщик, я должен был заметить?

– Здесь только следы наших ребят.

– Ну да, они же были здесь вчера. И у них так же натурально выпали челюсти, как и у нас сейчас, когда мы не обнаружили той дороги, которая привела нас сюда со стрельбища. А, возможно, ещё натуральнее, потому что мы предупреждены, а значит, удивляться не должны.

Я уговаривал сам себя, потому что не поверил вчера старлею Снежину, решил, что они свернули с дороги и ушли в сторону.

– Вот именно, – подчеркнул Серёга Лосев, – их вчерашние следы видны отчётливо, а наших следов нет, тех, что мы оставили до въезда в лес, и по каким можно было бы следовать до стрельбища. Но ведь позавчера мы тоже оставили здесь следы.

– Значит, здесь мы позавчера не ехали и, соответственно, не были, – заключил я.

– Выходит, Иван, ты веришь, что нас всех перевезли ночью?

– Да, не знаю, – разозлился я.

– А я, по крайней мере, до сей минуты, был уверен, что Снежинский отряд вчера где-то свернул не туда, – ответил Лосев.

– Ничего не поделаешь, факты упрямая вещь, похоже на нас действительно испытывают новое психотропное оружие.

Я сам не знал, серьёзно, или в шутку я так сказал. Если верить в реальность, значит верить, что мы очутились в неизвестной местности, но каким образом, непонятно. Не верить – тогда что это – сон? Я просто сплю, и мне всё это снится, надо просто дождаться пробуждения? Однажды Конфуцию, китайскому философу, приснился сон, будто он – бабочка. И он подумал, а кто он на самом деле? Конфуций, которому снится сон, что он бабочка, или он бабочка, которой снится сон, что она – Конфуций? Я, Иван Лютаев, должен верить своим гла-

зам, и искать правдоподобное объяснение нашей ситуации! Прав-до-по-доб-ное. Если исключить наше перемещение в пространстве, то тогда село, что ли переместили в другое место? Нашу карту можно считать неверной, но поселение мы позавчера видели, хоть и издали, но мы его видели, видели и местных парнишек на речке, и на стрельбище мы были. Всё было здесь ещё позавчера, а сейчас нет ничего, как нет никаких человеческих следов, нет дороги, по которой мы позавчера проехали, как нет и следов, оставленной позавчера нашей техникой, и нет дерева, поваленного ветром в грозу.

Мы двинулись дальше пешком, проехав поле, в лес на БМП смысла заезжать я не увидел, как и Снежин, отправил БМП назад, лес был сплошной бурелом, казалось, здесь не ступала никогда нога человека, но буквально позавчера, мы пересекали этот лес, и он был тогда другим. После замечания Лосева, я стал внимательнее вглядываться в окружающее меня пространство. Не только потому, что необходимо было составлять наш маршрут, но и оттого, что я начал обнаруживать странности. Я смотрел на деревья, на растения, птиц. Всё казалось мне иным, чем прежде. Я держал свои сомнения при себе до тех пор, пока не увидел зверька очень похожего на белку, но крупнее её раза в два. Зверёк нас совсем не боялся и, похоже, даже с интересом на нас поглядывал. Я окликнул Лосева и, указав на зверька, поинтересовался кто это.

– Не знаю, – буркнул Лосев.

– Ты же охотник! – воскликнул я. – Ты должен знать.

– А я не знаю. Я здесь много чего не узнаю. Здесь многое иное. Деревья другие, другие растения, другие животные, – Лосев был сердит.

– Другие? – переспросил я и пробормотал, – выходит, мне не показалось? А этот зверёк не первый, какого ты не узнаёшь? – обратился я к Лосеву.

– Не первый.

Мы обследовали заданный район, ничего похожего на то, что указано на карте мы не обнаружили, сделали привал, а потом двинулись в обратный путь. Лосев подстрелил двух крупных птиц.

– Это глухари? – поинтересовался я.

Лосев пожал плечами.

– А с нами ничего не будет, если мы их съедим? – не отставал я от Сергея.

– Дадим сначала собакам, проверим.

Так и не узнав ничего нового, мы вернулись назад. Везде был один лес, мы не наткнулись и на намёк человеческого присутствия. Ребята встретили нас с нетерпением. Но мы ничем не могли их обрадовать. И нас никто ничем не обрадовал, второй отряд, посланный в другую сторону, вернулся тоже ни с чем. Вокруг нас был только девственный лес, а всё человечество вдруг исчезло. Убитую дичь мы скормили собакам, поедали они её весьма охотно. Вечер вновь прошёл в томительной неизвестности. Рация молчала по-прежнему. Наверное, каждый из нас задавался вопросом, что же будет дальше. Но ничего не происходило, мы поужинали, хотя аппетита особого и не было. Потом капитан собрал всех офицеров.

– Итак, – обратился к нам командир, – мы имеем неизвестную местность, со штабом связаться пока не представляется возможным, продовольствия дня на три, если растянем, спасибо нашим охотникам, и горючего не так много. Какие будут предложения?

– Следовать в назначенное место, возвращаться в часть, – предложил Снежин.

– Слава, куда следовать? Наша карта не соответствует этому месту. Ты же там был, нашей части там нет, ты так сказал.

– Что же нам здесь оставаться? А может это проверка? Нам надо двигаться в заданном нам направлении. Может, мы и выйдем куда, – не сдавался Снежин.

– Мы не сможем вернуться назад, если только не бросим ЗИЛы, – сказал я. – Либо нам придётся делать большой крюк, если найдём какую-нибудь дорогу в том направлении.

– Больше нет предложений? Хорошо, – констатировал командир, – согласимся с предложением старшего лейтенанта Снежина. Сейчас двадцать два тридцать. Сегодняшнюю ночь проведём здесь, а завтра два отделения из взвода старшего лейтенанта Снежина двинется к части в юго-западном направлении, хотя неизвестно, куда может вывести эта дорога. Так что будьте бдительны, старший лейтенант, расстояние на ваше усмотрение, время не больше трёх дней. Ещё два отделения под командованием лейтенанта Могильного попробуют вернуться в часть с северо-востока. Остальная часть роты останется здесь.

Укладываясь спать, я думал, смогу ли я уснуть, тревога не покидала меня ни на минуту. Но я напрасно беспокоился, едва закрыв глаза, я вмиг уснул. А утром я не хотел открывать глаза, но времени на размышления не было, была команда – подъём. После завтрака наша рота разделилась, отряды Снежина и Могильного отправились искать нашу часть, мы проводили их, пожелали удачного и скорейшего возвращения, моему взводу было поручено обеспечить роту дополнительной провизией, мы отправились на охоту. Свора собак нас так и не покидала, они следовали за нами, на охоту, в разведку. В отсутствие наших товарищей, мы как могли разведывали окружающую местность, охотились, добывая себе пропитание, здесь было так много дичи, поразительно. Через три дня вернулся отряд Бориса Могильного, через четыре – вернулся снежинский отряд. Вернулись ни с чем. Человеческого присутствия они не обнаружили там, где побывали, как и мы – здесь, зато отряд Бориса наткнулся на реку, до неё был день пути. Все офицеры вновь собрались на совет. Нам предстояло решить, что делать дальше. После ознакомления с картой, что составил Могильный, мы решили отойти к реке. Пройти, вернее, проехать как можно дальше, насколько хватит горючего, потом разбить лагерь, а оттуда уже снова продолжать поиски людей, рядом с рекой должны же обнаружиться какие-нибудь поселения. В нынешнем лагере мы испытывали трудности с водой, поэтому и решили не оставаться здесь. Капитан объявил построение и на нём огласил наше общее решение.

Ранним утром следующего дня мы двинулись по карте Могильного. Первым двигался БМП, за ним следовали ЗИЛы, скорость была небольшая, дороги ведь не было, но нам хотелось преодолеть как можно большее расстояние, поэтому до ночи сделали лишь один короткий привал. Итак, мы прошли лес, вышли к реке, там провели ночь, и двинулись дальше, вдоль реки. Наше предположение, что возле реки нам обязательно попадётся какое-нибудь село, не оправдалось. За два дня похода мы не встретили ни одного человека. Создавалось впечатление, будто в мире исчезло всё человечество, и мы остались совершенно одни. Близились сумерки второго дня похода в неизвестность, капитан приказал остановиться на ночлег, нам предстояла очередная ночь в лесу.

От выданного нам продовольствия не осталось уже ничего, повар готовил нам еду из дичи, что мы добывали в лесу, и постоянно давал понять, что о еде надо беспокоиться заранее, мы были с ним согласны, прилагали все усилия по этому поводу, и сегодняшний наш ужин нам удалось разнообразить испеченной в золе рыбой, выловленной в реке. Охотиться получалось не у всех, да и не поохотишься особо с автоматом, а винтовки только три, и шум от нашей техники распугивал зверьё на километр вокруг, приходилось выкручиваться. Зато клёв на здешней реке был просто фантастический, удочку соорудили из ветки, привязали обычную нитку, а крючок сделали из булавки, наживки тоже хватало, стоило только забросить удочку, и можно было тут же вытаскивать её, рыба клевала мгновенно.

После ужина капитан опять созвал всех офицеров к себе в палатку. Стоял прежний вопрос – что нам делать дальше? Продолжать двигаться вдоль реки? Капитан уловил любопытную особенность, русло реки точно соответствовало прежней карте. Если спускаться вниз по реке, тогда придётся оставить технику, горючего почти не осталось. Выслать пару машин вперёд, загрузив их снаряжением, они должны проехать как можно дальше, пока хватит горючего, а нам идти за ними своим ходом, так решил наш командир. Завтра я с ребятами из своего взвода должен буду разведать местность. Я решил, кого возьму из ребят, и пошёл укладываться

спать. Добрался до своей палатки, ни о чём не думать, уснуть, было единственное моё желание, забыться от действительности хотя бы на несколько часов. Уснул я быстро, так же быстро и проснулся, но не утром. Было немногим более полуночи, когда остервенело залаяли собаки, потом раздалась автоматная очередь. Я выскочил из палатки, и побежал на звук стрельбы.

Ночь опять была безлунной, но лагерь был уже освещён ракетой, когда я подбежал к месту стрельбы. У догорающего костра сгрудилось уже больше десятка человек, подбежали всё новые. Капитан с фонариком, склонившись, рассматривал тушу какого-то животного. Одному из часовых оказывали помощь, он был весь в крови, это он подстрелил зверя. Но он успел, уже раненый, напасть на часового. Врача у нас не было, только фельдшер, да один из солдат бросил мединститут после четвертого курса. Перевязку они сделали, оставалось надеяться, что рана будет неопасна, и никакой заразы рядовой не подхватит. Что за животное напало на нас ночью, я основательно рассмотрел только с восходом солнца. Луна так и не появилась из-за туч, всю ночь простояла непроглядная тьма. И собаки всю ночь были беспокойны. Они не лаяли, не рычали, но их шерсть дыбилась на загривке, и по одному взгляду на них, было понятно, что опасность пока не миновала. Мы разожгли костры для защиты, ведь звери боятся огня. Я не сомкнул больше глаз, как, вероятно, и все остальные. И эта была не последняя бессонная ночь. Собаки успокоились только под самое утро. Тогда же очевидно, задремал и я. Разбудил меня Снежин.

– Пойдем, посмотри, кто это.

Снежин знал о моей страсти к кошкам, и к диким, и к домашним. Меня интересовало всё связанное с ними. Но первое название убитого часовым животного, какое мне пришло в голову – саблезубый тигр. Существовало такое древнее млекопитающее, его отличительной особенностью являлись длинные, острые клыки. И из пасти, убитого ночью зверя выставлялись длинные острые клыки. Саблезубый тигр был крупнее настоящего, но эта особь была меньше обычного тигра, поизящнее что ли, напоминал чем-то этот зверь больше пантеру, но это была не взрослая особь, но тогда мы этого ещё не знали. Короткая шерсть была коричневого цвета, с хребта расходились темно-коричневые полосы. Осмотрев кошку, я ещё раз подумал о ранах, нанесённых Воробьеву. Такими зубами нанести смертельную для человека рану можно и одним укусом. Но к всеобщему удивлению, утром Воробьев был на ногах, как ни в чем ни бывало. Рука, распластанная до кости, по его уверениям ничуть не болела. Ах, если бы мы в тот момент заострили на этом факте своё внимание! Но тогда мы все были рады счастливому исходу ночного инцидента, и больше всего нас волновал вопрос нашего возвращения. И мы все приписали быстрое заживление раны, здоровому организму самого Воробьева. Гораздо позже мы поняли, что слюна этих кошек обладает поистине волшебным свойством, оказывая потрясающее ранозаживляющее действие на человеческий организм, впрочем, и на кошачий, несомненно, тоже. Той ночью рану, вероятно, обработали плохо, кошачья слюна попала в неё, и за ночь сделала своё дело, утром рана была не такой опасной, как нам показалась вчера. У котят и молодых кошек слюноотделение обильнее, чем у взрослых, видимо, пока растут клыки, кошки привыкают к своему оружию, учатся им пользоваться, зачастую ранят себя, а слюна помогает заживать раны.

Лосев насилу снял с кошки шкуру, нож с трудом брал её. Шкуру оставили, а мясо отдали собакам, они спасли не одну жизнь этой ночью, мы были им благодарны. Наш план стал один – уйти как можно дальше, в спешном порядке наша рота покинула опасное место, ночью мы сливали горючее из ЗИЛов в две машины, собирали, грузили, за день мы обязаны преодолеть возможно большее расстояние. Весь остаток бессонной ночи мне чудились глаза, следящие за нами из темноты, и не только у меня одного были такие ощущения, ведь кошка была не одна, так сказал наш часовой. У нас появился враг, и все мы с тревогой следили за солнцем. Нам казалось, что сегодня оно быстрее, чем обычно стремилось к закату.

Была у нас, конечно, надежда, что кошки не последуют за нами, но готовились мы к худшему. Мы расположились как можно ближе к воде. Полагаясь на боязнь к ней кошек. Предположение оказалось верным, кошки не нападали с воды. Основной же нашей преградой стали костры. Для обороны мы подготавливали сплошную огненную стену. Для этого весь остаток вечера, пока не скрылось солнце, мы заготавливали топливо для костров, собирали валежник, рубили еловые ветки, молодые деревья. Можно сказать – смешно, у вас боевая рота с боевым вооружением, а вы испугались каких-то кошек? Но всё было до ужаса ненормально. По истечению недели я уже не верил никому, ни командиру роты, ни остальным офицерам, ни прапорщику Лосеву. Мне казалось, они меня дураят, все офицеры посвящены в какой-то тайный план, а меня исключили, потому что я оказался на месте взводного случайно. А что? Всё может быть, рассуждал я. Карта могла быть специально переделанной, на ней изображено одно, а на самом деле не должно было быть там этого села, что мы искали. Я его не видел, только знал, что оно невдалеке, мальчишек видел. Наши следы, что мы не нашли с Лосевым, так мы ехали по следам снежинского отряда, может, он нарочно свернул не туда, а мы поехали за ним, по карте же едем, а она – неверная. Лосев, наверняка, тоже в курсе, как ему доверяет капитан Невеличко, не узнаёт он зверей и птиц, так может, врёт? А может, меня, сопляка, нарочно отправили на разведку с Лосевым, чтобы я поверил этой чертовщине? Может, нас специально отправили сюда, чтобы что-то разведать? Может, Невеличко нарочно приказал ехать этой дорогой? Эксперименты, может, здесь какие проводили, кошка ведь настоящая. Может, не только кошки здесь водятся? Вооружили нас как на военную операцию, только горячего что-то пожалели, лейтенант Лютаев, личных вещей взять на два месяца, учения серьёзные, так мне сказали в штабе перед отправкой на учения, костерил всех, когда бежал на марш-броске, обливаясь потом, считал, что надо мной нарочно подшутили, а теперь рад этому обстоятельству, что поверил и взял кое что из личных вещей.

С наступлением сумерек мы разожгли первые костры, капитан приказал экономить патроны, зря в кошек не палить. Миновала полночь, никто не спал, но всё было спокойно. Я заснул у костра, от тепла меня разморило. Разбудил меня Лосев, азарт охотника ему уснуть не давал. Был же он озабочен поведением собак, они учуяли кошек задолго их появления. Командир приказал зажечь все костры. Мы оказались в огненном плену, а кошки между тем всё не появлялись. Но собаки не находили себе места. И вот когда я решил, что кошки испугались наших костров, я увидел одну из этих тварей. Почти сливаясь с темнотой ночи, она сидела невдалеке и наблюдала. Потом я заметил ещё, ещё, и ещё. Они окружили нас полукругом. Нас отделяло друг от друга всего несколько метров. А если они попробуют прыгнуть, подумал я. Мне стало плохо от этой мысли. Командир разрешил применять оружие только в крайнем случае. Поэтому мы только подкидывали дров в костёр. Вот так мы провели остаток ночи, друг напротив друга. Как только чуть забрезжил рассвет, твари нас покинули.

И мы покинули это место, как только опасность миновала. Я, Лосев, Борис и ещё несколько ребят отправились искать место для лагеря, такое место, где можно было бы быстро соорудить защитные укрепления, и наша техника должна туда добраться прежде, чем закончится горючее, больше бросить машины мы не могли себе позволить. Двигались мы налегке, взяв с собой только автоматы, ничего лишнего. Мы всё дальше удалялись от места неудачной ночёвки, но на душе спокойнее не становилось. Наконец, нам попалось подходящее место у реки, и лес был на удобном расстоянии, не близко, но и не далеко, сержанта с одним солдатом я послал навстречу роте, с остальными стали готовить лагерь, ещё ночь нам предстояло провести почти без укреплений.

И каждую последующую ночь мы были вынуждены по-прежнему спасаться от кошек. Нам всё же пришлось в них стрелять, тратить драгоценные патроны. Эти твари ничего не боялись. Как только одна из них перепрыгнула костёр, стали прыгать многие. Только после того, как мы подстрелили нескольких, они перестали нападать, даже не подходили близко, опасались

выстрелов. Но они не оставили нас, они становились хитрее, изворотливее, они ждали наших ошибок. Единственным нашим союзником было солнце, но с каждым днём закат приходил раньше, чем вчера. А нам надо было столько сделать до наступления зимы! А находиться в лесу с наступлением сумерек было равносильно самоубийству.

Днём мы рыли землянки, заготавливали дрова, охотились, ловили рыбу. Мы предприняли ещё попытку найти людей, слили в один ЗИЛ остатки горючего, капитан вызвал добровольцев, но всё оказалось напрасным, они вернулись ни с чем. И мы перестали искать людей, мы нуждались в каждой паре рук, чтобы пережить очередной день. А ночью мы по-прежнему ждали появления кошек. Мы все хотели выжить, и не стать добычей этих тварей. В первую зиму от их клыков погибло одиннадцать моих товарищей. И из них мы похоронили только троих. Остальных кошки унесли с собой. Частями. Просто рвали ещё живого человека, хватали кусок и уносились с добычей прочь. И мы до сих пор не знаем, где живут эти твари. Не знаем даже близко или далеко их логово. Мы хотели добраться до них и убить их всех днём, должны же они спать, но собаки не идут по их следу. К тому же они нападают не каждую ночь, бывали недели, когда мы их не видели, они даже близко не подходили к лагерю, а когда воскресала в нас надежда, что их мы больше не увидим, они появлялись вновь.

Саблезубые умеют менять тактику охоты, когда мы соорудили стену, вырыли ров, они перестали нападать на наш лагерь, но они не оставили нас в покое. Они частенько приходят по ночам и караулят по другую сторону рва, могут провести так всю ночь. Иногда они часами рычат, режут, они не дают нам спать, они пытаются спровоцировать нас, хотят, чтобы мы вышли и устроили на них охоту. И не дай Бог кому-нибудь задержаться в лесу до сумерек, не рассчитывать время возвращения, кошки оказываются тут как тут. Они чувствуют нас, и если бы не собаки, как знать, сколько бы нас уцелело к сегодняшнему дню.

Глава 6. Первая зима чужеземцев

Наступала наша первая зима, шёл уже октябрь, ночами уже подмораживало, но днём воздух мог прогреться и до 15 градусов, пока мы все ещё были живы, но я не задумывался, переживём ли мы эту зиму. Мы жили одним днём, сегодняшним, пока было солнце, мы добывали еду, наступала ночь, мы готовились к схватке. Нельзя было создавать никаких планов даже на день вперёд, каждый день был новым и приносил сюрпризы, так, однажды, нам повезло, наши охотники пригнали в лагерь целых восемь оленей, это был праздник, это еда на несколько дней вперёд, чего у нас давно уже не было. У нас заканчивались патроны, рыба с наступлением осени, стала ловиться хуже, опасаящиеся вначале собирать и есть грибы в здешнем лесу, теперь мы это делали с удовольствием, как и ягоды, впрочем.

В тот день, 21 октября, охотясь, мы забрели слишком далеко от лагеря. С каждым днём нам приходилось заходить всё дальше и дальше в поисках добычи, вот и в тот день, осмотрев поставленные силки, мы не обнаружили в них никого. Пришлось идти дальше, со мной был только Ян, солдат из моего взвода, и Найда, собака, та самая хромоножка, к тому времени она уже поправилась и её хромота была почти незаметна. Обычно мы не охотились в этой стороне, отсюда приходили саблезубые, какой смысл охотиться в угодьях саблезубых? Если только хочешь попасть прямо в зубы хищникам. Но выпал первый снег, на открытых участках леса стали видны все следы, и я увидел следы оленьих копыт. Для более чем ста мужчин еды каждый день требовалось много, поэтому я рискнул идти по оленьим следам. Итак, мы с Найдой искали добычу, и находились уже на приличном расстоянии от нашего лагеря, а оленей всё не было, снег к обеду уже растаял, и оленьи следы мы давно потеряли, шли наугад, собака бежала чуть впереди и вдруг наострила уши. Впереди, между деревьями, показался просвет, поляна, обрадовался я, и решил, что там расположились олени. Я оставил Яна с собакой, побоявшись, что все мы можем нечаянно спугнуть оленей, а сам как можно тише подошёл к поляне, оленей видно не было, но отчего тогда собака наострила уши? И тут я заметил дым от костра, а после – людей, вокруг него, я услышал их голоса, не могу даже передать, что в тот миг поднялось в моей душе. Первые люди за несколько месяцев! Не помня себя от возбуждения, охватившего меня, я бросился к ним. Я преодолел уже больше половины, когда увидел, как все они ринулись наутёк от меня, я закричал, замахал им руками, но казалось, что мой крик ещё больше подстегнул их. Через минуту на поляне никого уже не было, я ничего не понимал.

Я подошёл к месту их привала. Увидел ружья, подстреленных зайцев, догорающий костер, и понял, что передо мной были охотники. Сначала я хотел сразу бежать за ними вдогонку, но тут громко хрустнула ветка, я оглянулся и заметил ещё одного мужчину, он отчего-то не сбежал с остальными. Он сидел на корточках и смотрел мне прямо в глаза. Я увидел ужас в его глазах, и я ничего не успел сделать, сказать, как услышал лай Найды, услышал треск веток. Очевидно, услышав мой крик, Ян с собакой кинулись ко мне. Мужчина тоже это слышал, он мгновенно вскочил и тоже бросился бежать прочь с поляны. Я попытался остановить мужчину, и крикнул ему: «Постойте!», но в ответ лишь слышался его торопливый бег. Ян с Найдой выбежали на поляну, я крикнул:

– Найда, тихо, – собака замолчала, мы приучили собак слушаться нас беспрекословно, от этого зависели и наши и их жизни, у нас возник симбиоз, мы бы погибли без них в лесу, если не все к тому времени, то очень многие, но и они без нас погибли бы тоже.

– Ян, я скоро, ждите, там люди. И только потом я бросился следом за охотниками, если я их не догоню, подумал я, то может, хотя бы, узнаю дорогу к их селению. Я промедлил, убежавшие были уже далеко. На бегу мне стало жарко, я снял с себя шапку и тут оторопел, я понял, почему они бросились бежать от меня. Они испугались моего облика. Я совсем упустил это из вида. Ведь я был одет в шкуры, шкуры саблезубых, в летней форме было уже откоро-

венно холодно, особенно по утрам, поэтому из шкур саблезубых я смастерил что-то наподобие жилета, он был довольно длинный, почти до колен. А половину моего лица скрывала шапка, сделанная из морды одной из убитой кошки. Я носил так глубоко надетую шапку на лицо не только из-за наступивших холодов. Моё лицо пересекал шрам, шрам, оставленный кошачьими когтями, он изуродовал моё лицо. У многих ребят были кошачьи шрамы, но я был единственный, у кого шрам был на лице, и мой шрам изуродовал моё лицо до безобразия, хотя мне ещё повезло, что я вообще остался цел, и даже сохранил зрение на изувеченном глазу. Мне было неприятно, когда на него смотрели, я предпочитал скрывать своё уродство. И я сделал эту шапку из кошачьей морды. Когда наступили холода, я стал натягивать шапку так низко, что кошачья морда оказывалась на моём лице, и смотрел я через кошачьи прорези для глаз. Я думал, что надевая таким образом шапку, я скроюсь от этих кошек. Ну, а после я стал закрывать лицо и оттого, что тартцы недолюбливают людей с физическими недостатками.

Я не догнал охотников в лесу, увидел я их, когда они были уже на опушке, спрятавшись за деревьями, и наблюдал за ними. Я не слышал их, но по их поведению я понял, что они всё ещё боятся. Они были возбуждены и то и дело поглядывали в лес, мужчины жестикулировали, мотали головами, они о чём-то спорили, возможно, решая, стоит ли им возвращаться обратно. Но в лес они вернуться не попытались. Потом, очевидно, они заметили меня, потому что когда они двинулись прочь, их шаги больше напоминали бег. Я, проводив их взглядом, стоя за деревьями, больше не пытался догнать их, я видел, куда они направились, вдалеке виднелся город. Мощные стены Тарта видны издалека. Я вернулся к костру. Мне надо было торопиться, солнце скрылось за облаками, в лесу стало сумрачно. Ян не видел охотников, и спрашивал меня, кто они, я ничего не мог сказать, он предложил догнать их, но я предпочел вернуться в лагерь и доложить обстановку командиру. Мы взяли себе подстреленных зайцев, я понял, что сегодня охотники вряд ли сюда уже вернутся, так что не стоит оставлять зайцев, всё равно их утащат хищники, а у нас не было добычи. Забрали ещё сумку с хлебом и солью, в сумке я хотел найти карту, либо еще что-то, что укажет нам, где мы собственно находимся. Но ничего такого там не оказалось, был только ещё нож. А зажаренных зайцев, что готовили охотники, мы тоже взяли с собой, одного съели по пути в лагерь, мясо было уже готово.

Мы возвращались в лагерь и представляли себе, как будут радоваться ребята нашей потрясающей новости. Почти четыре месяца мы прожили уже в этом лесу. Четыре месяца! И каждый день мы боролись, чтобы выжить, не попасть под убийственные клыки кошек, и добыть еду, чтобы все смогли досыта поесть. Ещё нам надо было укрываться от дождя и наступающих холодов, наша одежда почти вся истрепалась от ежедневного ношения. Но сильнее всего тяготила нас неизвестность, неопределённость нашего положения. Но именно здесь я понял, как человек легко привыкает к окружающей его действительности, иногда для этого хватает лишь одной ночи. И как бы тяжело ему не было, ищет в ней приятные стороны. Для меня такой стороной явилась охота. Прежде я никогда не охотился, вообще считал охоту неприемлемым занятием для цивилизованного человека, стрелять в беззащитных животных, просто варварство. Но здесь было иначе, мы хотели выжить, а для этого нам просто необходимо было охотиться, ведь нам нужна еда. Здесь охота не забава, здесь не убьешь просто так, здесь я должен добыть дичь как можно крупнее, затратив при этом минимум патронов. Здесь я сполна ощутил груз ответственности за подчинённых мне людей. К счастью, все ребята из моего взвода были целы и здоровы. Удивительный факт, но никто из всей роты ни разу не заболел за это время, ни от кого я не слышал ни одной жалобы на головную боль, или боли в животе. Иногда падали от усталости, это да – было. Но не от болезни, а ведь не раз мы промокали под дождём, и осенью дули холодные ветра, пронизывающие тебя насквозь, а ведь кроме плащ-палатки тёплой одежды у нас не было.

Мы торопились в лагерь изо всех сил не только потому, что кошки вот-вот должны были выйти на охоту, но, прежде всего как можно скорее хотелось сообщить всем наше сногшиба-

бательное известие. Тогда мне некогда было задуматься, почему же за все эти четыре месяца мы не встретили никого из этого города. Хорошо, мы пришли издалека, пока обустраивали лагерь, далеко не уходили, местность неизвестная для нас, но почему же охотники из города нас не нашли? Расстояние, в принципе, не такое уж и большое.

Как только мы сдали зайцев и остальной провиант на кухню, я поспешил к капитану. Моя новость действительно ошарашила всех, в присутствии людей верилось с трудом. Но сегодня ужин был посланный, на столе был хлеб, мы даже захватили пару фляжек с вином, так что по глотку досталось почти всем. Выходило, что я ничего не придумал, и рассказами об охотниках не пытаюсь просто поднять всем настроение. Ян охотников не видел, но на поляне остались их ружья, сумки, костёр и дичь, это он подтвердил. Так неужели мы вернёмся домой? Домой... мы уже перестали верить в это. Далёким сном вспоминалась нам наша предыдущая жизнь. Но город, на расстоянии каких-то пятнадцати-двадцати километров от нашего лагеря?! Цивилизация, а есть ли ты на самом деле? За четыре месяца я ни разу не видел ни одной белой полоски на небе, оставленной самолётом, так что сомнения в возможности возвращения домой давно уже поселились во мне. Пропавшую роту никто не искал вертолётами, ладно, пусть, но не увидеть в небе пролетающего самолёта, что здесь бермудский треугольник? Никто не мог уснуть в эту ночь, даже усталость не могла взять своё. Кажется, я заснул уже под утро, а разбудил меня Серёга Лосев.

Капитан дал нам последние наставления, приказал нам быть предельно внимательными, и, скрипя сердцем, отпустил со мной Снежина и Лосева по моей просьбе, и ещё двоих ребят я взял из своего взвода. Снежин был наш полиглот, я не расслышал вчера ни слова из разговора местных жителей, но отчего-то наш командир был твёрдо убеждён, что я всё равно бы не понял, на каком языке они говорили, так что Снежин был просто необходим. Лосев же был просто незаменим в любой непредсказуемой ситуации. Я один знал дорогу, конечно, я указал примерное место на нашей карте, которую мы рисовали сами, почти каждый день добавляя в неё новые и новые подробности. Но без меня ребята могли проплутать, а время дорого, ведь не исключалась возможность возвращения сегодня же, так что капитану пришлось отпустить двух офицеров, да ещё и прапорщика вдобавок.

Как только стало достаточно светло, мы двинулись в поход, саблезубых возле лагеря сегодня не было, впрочем, кажется, впервые мы не обращали на них особого внимания. Когда наш отряд прибыл на поляну, я обнаружил на ней всё то же самое, что мы вчера оставили. Видимо никто сюда не пришёл даже сегодня утром, но не могли же охотники испугаться до такой степени, что не возвратится даже за ружьями?

– Что ты о них думаешь, Серёга? – заметив, как внимательно Лосев рассматривает ружья, спросил я.

– Древность какая-то, никогда таких не видел, – задумчиво ответил Лосев.

– Что, командир, пойдём в город? – спросил я Снежина, мы сделали привал на поляне.

– Да, подъём, ребята, – скомандовал он.

– А ружья здесь оставим? – поинтересовался я.

– Пока, да. Будем возвращаться, может, прихватим, если будут ещё здесь. Возможно, хозяева ещё вернутся.

– Давай, возьмем хоть одно, на всякий случай, – предложил я.

– Уговорил, бери, – разрешил Снежин.

Мы дошли до опушки леса, осмотрелись. Перед нами растянулись поля, вдалеке виднелся город, людей нигде видно не было. Мы пошли к городу. Убранные поля сменили сады, нам попадались плодовые деревья, кустарники. У меня создалось впечатление, будто проходим мы какое-то садоводческое товарищество. Грядки, то тут, то там – кучи навоза, припорошенные лёгким снежком. Кое-где ещё виднелся не убранный урожай: капуста, свекла, морковь. Кое-где попадались невзрачные хибарки. В одну из хибарок мы заглянули, дверь была просто при-

перта палкой, внутри – грубо сколоченный деревянный стол, лавки, да две полки. Никакого садового инвентаря, ничего, только огарок свечи на одной из полок. Что-то меня смущала, какая-то деталь. И только когда я увидел огарок свечи, я вспомнил, что терзало меня последние полчаса, что мы шли по этим садам – провода. Привычное достижение цивилизации – электричество. Я сказал об этом ребятам, что мне это обстоятельство совсем не нравится. Мы решили не выходить пока на открытое пространство, деревья, пусть и без листвы, делали наше передвижение не таким заметным. Прожив в изоляции и на грани человеческих возможностей столько времени, мы сделались крайне осторожными. Мы ведь не забывали, что до сих пор не знаем где находимся, а там, где мы должны были быть, рядом была граница, мы могли, само того не предполагая, перейти её, и, выходило, что мы здесь нелегально, а ведь мы солдаты, и это крупный международный инцидент. А тут ещё этот странный город, мощные крепостные стены были сооружены из камня, и их высота давала понять, что не просто для защиты от лесных хищников воздвигнуты они. Они построены отражать атаки иных врагов, гораздо более опасных, и мы не знали существует ли опасность здесь для нас.

Взобравшись на крышу очередной хибарки, я осмотрелся, у нас был бинокль, так что я прекрасно разглядел и крепостную стену, и стражников на ней в карауле. А обжитого человеческого жилья поблизости не виднелось. Отсюда напрашивался вывод – люди, живут только за этой стеной, и они боятся, возможно, боятся того же, что и мы – саблезубых кошек, может, и не только. Мы пошли вдоль стены, всё также по садам, скрываясь за деревьями, ища вход в город. Через некоторое время мы наконец-то заметили ворота, но они были закрыты. Пока мы решали, как лучше попасть туда, в воротах открылся проём и выпустил две повозки запряжённых лошадьми. В бинокль я разглядел возниц, и вооружённых охранников, они открывали проём в воротах, когда повозки выехали, они снова закрыли этот проём.

Посоветовавшись, мы решили проследить, куда направились эти повозки, и, если удастся, по возможности переговорить с возницами. Не привлекая к себе внимания возниц, мы двинулись вслед повозкам на значительном расстоянии. Но мы не рассчитали свою скорость, повозки довольно быстро скрылись с наших глаз. Прошёл час, как мы уже шли по дороге, но впереди вилась только змейка дороги. Но мы решили всё же продолжить путь, а не возвращаться назад, наглухо закрытые городские ворота не привлекали нас, а повозки ведь куда-то едут. А ещё через три часа пути что-то показалось вдаль, мерещились нам или нет ещё одни крепостные стены? И вдруг мы увидели стремительнодвигающуюся в нашем направлении точку, точка быстро превратилась во всадника на лошади, мчащегося во весь опор. Он был один, и мы не стали прятаться, к тому же прятаться было негде, лес был не так уж и близко, сады давно закончились мы шли через поля. Всадник в старинном плаще и шляпе, как у мушкетёра, промчался мимо, не обратив на нас никакого внимания, это придало нам уверенности. Вскоре нам навстречу попала повозка, возница оглядел нас скучающим взглядом и тоже проехал мимо. Лошади, повозки, где автомобили? Что за одежда на этих людях? Зато сегодня никто не шарахался от меня, и это вселяло оптимизм, впрочем, сегодня на моей голове не было звериного оскала.

День был мрачный, то и дело накрапывал мелкий дождь, и серая масса на горизонте прежде казавшаяся нам дождливой тучей, наступающей на нас, оказалась серыми крепостными стенами Сартра. Пройдя ещё немного, мы, наконец, вплотную приблизились к очередной крепости. Ещё издали увидели мы открытые городские ворота, здесь было гораздо оживлённее, чем у ворот предыдущего города, откуда мы пришли. Возниц, которые стали нашими невольными проводниками, к нашему удивлению, мы почти догнали, и зашли в город почти одновременно с ними. Стражники у ворот тоже имелись, они окинули нас внимательными взглядами, но даже не попытались остановить. Снежин задал им несколько вопросов, но никто из нас не понял ни слова из их ответа, опасения командира оправдывались. Следуя приглашающим жестам стражников, мы спокойно зашли в город, на нас никто не обращал особого

внимания, хотя наша одежда, на мой взгляд, была очень живописной. Сейчас была поздняя осень, а пропали мы в середине лета, соответственно одеты мы были в летнюю форму. Из шкур убитых зверей, мы мастерили себе зимнюю одежду, у кого какая получалась, и так ходили в лагере, но идя сюда, мы надели плащ-палатки, но и они от частого использования у всех потрепались, мы даже в них спали. Из всех нас один Снежин смотрелся более-менее прилично, как это ему удавалось непонятно. Сегодня на моей голове красовалась нечто из зайца, которое я именовал шапкой, поэтому при входе в город, я натянул это как можно глубже на лоб, чтобы больше напоминало головной убор, а когда мы вошли в город, чтобы скрыть свой шрам, а заодно и заячью шапку, я накинул капюшон.

На мой взгляд, мы походили скорее на лесных разбойников, чем на цивилизованных людей. Но когда мы прошли по городу несколько минут, наша одежда перестала быть для меня экзотической. Пристального внимания горожан она не удостоилась, вскоре я понял, почему. Здесь, как на каком-то карнавале, были перемешаны все исторические эпохи. Кто здесь только нам не встретился! Было впечатление, что мы попали на огромную киностудию, где снималось одновременно с десятков исторических картин, начиная с Древнего Рима и заканчивая, пожалуй, временами Дикого Запада. Более или менее современно одетых людей, для нашего понимания, мы здесь не увидели. Предположение, что здесь сегодня карнавал, или киностудия, рухнуло быстро. Во-первых, одежда отнюдь не была похожа на карнавальную, её одевали каждый день, это вне всяких сомнений, она была грязной, дырявой, плохо заштопанной, зачастую одежда была смешанной, костюм не выдерживал одну эпоху. Во-вторых, никто не кричал – внимание съемка, очистите съемочную площадку, да и камер нигде не было заметно. Люди вели обычную повседневную жизнь.

Улица, по которой мы шли, привела нас на рынок. Здесь мы попытались поговорить с торговцами, но никто из нас не слышал и слова знакомой речи. Из своего взвода я выбрал ребят разных национальностей, Ильяс – киргиз, Рауф – татарин. Снежин – еврей, по папе и знал иврит, папа мечтал, что однажды сын уедет на историческую родину, но кроме иврита, Слава прекрасно говорил на немецком, знал французский, английский. Я тоже мог объясниться на английском и на украинском, бабушка была украинкой, так что язык мне достался по наследству, если можно так сказать. И вот владея восемью языками, мы ни с кем не могли найти общего языка. Нам улыбались, никто не выказывал никакой агрессии, с нами пытались договориться, но услышав наши речи, в ответ лишь качали головами, никто не понимал нас, но всё же нам удалось продать несколько взятых с собой на всякий случай лисьих шкурок. Но главную задачу, где мы собственно находимся, так и не узнали. Но все местные жители на наши вопросы дружно указывали нам одну дорогу, во дворец, это я понял позднее, но прежде чем идти туда, мы решили поесть, раз раздобыли денег.

Поесть мы зашли в харчевню, хозяин взял у нас две монеты, мы не имели ни малейшего представления об их стоимости, но нам принесли достаточно еды. Сначала нам поставили здоровую миску супа из требухи, моя бабушка называла такой суп – ушное, и буханку хлеба. Хлеб, мы набросились на него с жадностью, казалось, мы никогда им не наедемся. Суп с хлебом нам принесла женщина, а вот после ушного был подан пирог, может, хозяин харчевни заметил, как мы поглощаем хлеб, и поэтому пирог стал следующим блюдом. Его нам принес мальчик, вернее уже подросток лет пятнадцати. Он что-то спросил нас, в ответ каждый из нас сказал ему пару фраз, мальчик, так же, как все до него, непонимающе улыбнулся в ответ, покачал головой.

– И ты ничего не понимаешь, – невесело констатировал я по-английски. И тут его глаза округлились, и он произнёс в ответ фразу, которую мы все поняли. Он сказал:

– Сэр, вы говорите на английском?

Мальчика звали Джеком, он был американец. Ночевать мы остались в харчевне, когда Джек освободился, он пришёл к нам, и мы проговорили несколько часов. Пять лет назад, то есть они прожили здесь уже пять лет, а попали они сюда из 18 июля 1969 года, Джек вместе

со старшей сестрой Дженни и другом Сэмом поехали покататься на машине, родителей не было дома, и ребята решили развлечься, прокатиться до рощицы, что находилась невдалеке.

Родители Джека и Дженни держали ферму, в этот день они уехали в город, оставив шестнадцатилетнюю Дженни присматривать за младшим братом, Джеку в то время только исполнилось десять лет. Ферма родителей Сэма располагалась по соседству, и ещё вчера, ребята договорились провести день вместе. Кристофер, девятнадцатилетний брат Сэма, пытался ухаживать за Дженни, поэтому вскоре после завтрака Кристофер и Сэм появились на соседской ферме. Стоял одуряюще жаркий день, ребята возились на заднем дворе, жарили сосиски. Дженни с Кристофером устроились на веранде, Дженни не хотелось обижать Кристофера отказом, но представить его своим кавалером, она не могла. Кристофер злился, что Дженни глаз не сводит с пацанов и никак не хочет уединиться с ним, только отшучивается. В конце концов, он встал и крикнул Сэму, что им пора домой. Но Сэм так скоро не собирался, к тому же, они ведь договаривались быть здесь до приезда родителей Джека.

– Это нечестно, я никуда не поеду, мы даже сосиски ещё не дожарили, – завопил Сэм.

Кристофер буркнул, что придет за ним позже, и уехал прочь. Теперь уже у Дженни испортилось настроение, одной ей стало скучно, поэтому она дала себя уговорить Сэму и Джеку поехать прокатиться. Они взяли поджаренные уже сосиски, колу и поехали. Ребятам хотелось прокатиться до рощицы, это было недалеко, но они ведь никуда не торопились, поэтому ехали медленно, по дороге уплетая сосиски, никто из них не заметил фиолетовую тучу, появившуюся на горизонте. Рощица встретила их прохладой, журчанием ручья, птичьим гамом. Здесь можно было встретить ужа, или ящерицу. Джек с Сэмом устроили на них охоту, но так никого и не поймали. Они пробыли в лесу часа полтора, уже собирались домой, но тут неожиданно поднялся сильный ветер, резко похолодало, Дженни позвала ребят уезжать, они еле успели забраться в машину, как ливень хлынул стеной.

– Придется нам переждать дождь в машине, ничего не видно, ехать я не могу, – сказала Дженни.

Стали ждать, минут через сорок дождь ослабел, Дженни попыталась выехать из рощи, но, проехав совсем немного, вынуждена была остановиться опять, дождь хлынул с новой силой. Как только дождь чуть ослаб, Дженни завела машину и попробовала проехать хоть сколько-нибудь вперёд. Но тут они застряли, пришлось снова ждать, пока стихнет дождь. А небеса, казалось, играют с ними, как только Дженни, видя, что дождь стих, пыталась тронуться, дождь тут же начинался вновь. Таким образом, они провели почти два часа. Родители, наверное, уже волнуются, думала Дженни, было уже пять часов пополудни. Но, скорее всего, они не поедут в такой дождь из города, если так же, он их не прихватил по дороге. Значит, они могут позвонить из города, и не получив ответа дома, будут звонить родителям Сэма. Но никто не знает, что они уехали кататься. Может Кристофер, приехав за Сэмом, догадается поискать их в роще? Дженни очень надеялась, что родители ещё не волнуются об их судьбе, и они успеют вернуться до их возвращения.

– Будем ждать, когда дождь прекратится, и пойдём домой пешком, машина застряла, – сказала Дженни мальчикам и заглушила мотор.

Скоро в машине стало холодно, Дженни перебралась к мальчикам, все они были одеты очень легко, а в машине имелось только одно одеяло, они легли, прижавшись друг к другу, и накрылись одеялом. Скоро дождь закончится, и мы пойдём домой, утешала себя Дженни, но шум дождя быстро убаюкал их, и дети уснули. Дженни проснулась от яркого солнца, её часы показывали девятый час утра, небо было голубое, ни облачка. Дженни не стала будить ребят, перебравшись на переднее сиденье, завела машину, как можно быстрее ей хотелось добраться до дома, и снять с себя ответственность за детей. Дженни даже не обратила внимание на тот факт, что вчера они застряли, а сегодня машина свободно тронулась, даже не забуксовав. От рощи, где они вчера были, до дома, максимум пятнадцать минут езды. Дженни

засекла время, сколько интересно они вчера не доехали? Дженни стала волноваться уже через пять минут, потому что даже просвет не появился между деревьями, и с каждой минутой тревога её усиливалась, когда прошло пятнадцать, Дженни развернула машину и поехала в обратном направлении. По подсчётам девушки, они давно должны были уже выбраться из рощицы, но кругом были видны лишь деревья, словно не роща, а дремучий лес и никакого просвета. Дженни недоумевала, как она могла свернуть с дороги. Через двадцать минут она остановила машину и взобралась на крышу, разбудив при этом мальчишек, их любопытные мордочки вскоре высунулись посмотреть на неё.

– Дженни, зачем ты забралась на машину? – поинтересовался Джек, а, не дождавшись ответа, продолжил. – Дженни, поехали скорей домой, мы хотим есть и пить.

– Я не знаю, где мы, – растеряно сказала Дженни, садясь за руль, – я взобралась на машину, чтобы посмотреть вокруг, кажется, рощица та же самая, но конца её я не заметила. Кругом только деревья. Поедем по этой дороге, должна же она нас куда-нибудь вывезти.

Они ехали, и из леса все-таки выбрались, но и после этого легче не стало, Дженни не узнавала местность, что они проезжали, не было ни привычных полей, не виднелись и дома фермеров. Но, похоже, впереди был город, это оказалось королевство Сартр. Мальчики были в восторге от одного вида крепостных стен, они даже забыли о голоде, но Дженни было невесело, она точно знала, что здесь не должно быть никакого Диснейленда. Никто не воспрепятствовал их въезду в крепость, здесь не дежурили полицейские, не нашла Дженни ни одной надписи на английском. Дженни ехала очень медленно, потому что люди ходили здесь, совсем не соблюдая правил дорожного движения, впрочем, здесь и дорожных знаков никаких не было, а также и других автомобилей. Дженни припарковала машину на площади, кругом звучала незнакомая речь, никто не понимал, что они говорят, ничего не могла понять и Дженни. Мальчики опять запросили у Дженни еду, она и сама проголодалась, ведь было уже за полдень. Они зашли в харчевню, их накормили, у Дженни были сережки и тоненькая серебряная цепочка, она хотела расплатиться ими за обед, но хозяин денег с них не взял, а предложил им комнату. И они остались здесь, жить и работать, Дженни разносила еду, а парнишки помогали на кухне. Вскоре они освоили язык и были представлены королю Сартра, кому и поведали свою историю. Ни сам король, ни его приближенные, никто не мог помочь им вернуться назад, даже такую страну, как Соединенные Штаты Америки, они не знали.

Королевство Сартр существует уже более трёхсот лет, время от времени люди из великого мира появляются в Сартре. Некоторые остаются, но таких, как правило, меньшинство, большинство же ищут дорогу домой, но находят ли, неизвестно, но и обратно в Сартр не возвратился пока никто. Будь Джек с Сэмом постарше, они бы тоже попытались судьбу в поиске пути домой, но ведь они ещё были детьми, а сейчас они уже привыкли к Сартру. Дженни работала в харчевне два года, а потом вышла замуж и родила мальчика, назвав его Уиллом, в честь отца. Сэм ушёл в подмастерья к кузнецу и работает у него вот уже второй год. Сам же Джек хочет в будущем открыть харчевню, готовит он уже очень хорошо.

На следующий день Джек помог нам продать остальные шкурки, местные охотники далеко в лес не заходили, пушнина ценилась в Сартре высоко, на эти деньги мы купили соли, муки, масла, патронов к ружью, что мы прихватили с поляны, а ещё два топора, пилу, и вернулись в наш лагерь. Кстати, те ружья, так и дожидались нас на поляне, мы взяли их все с собой на обратном пути. В лагере нас ждали с нетерпением, вышли все навстречу, едва завидев. Мы могли кое-чем порадовать наших товарищей, но, увы, не совсем тем, чем нам бы хотелось. Пересказали рассказ Джека о Сартре, на многие вопросы он нам так и не смог ответить, но пообещал разузнать. Через четыре дня мы снова наведались в Сартр, мы во многом нуждались, поэтому надеялись продать настрелянную дичь и шкуры. Мы опять остановились в харчевне Джека. Но ничем особым порадовать нас не мог, карты хотя бы близлежащей местности не было, мы были удивлены, неужели жители Сартра ограничили себя таким тесным

мирком, и не были нигде дальше соседнего королевства? Джек поведал нам легенды о заповедном лесу, рассказал о чудовище, появившемся недавно около Тарта.

– Тартские охотники еле спаслись, – Джек возбуждённо пересказывал зародившуюся легенду, – но они сами виноваты, нельзя долго находиться в заповедном лесу, а они устроили там привал.

Мы не стали убеждать Джека, что на самом деле чудовищем, испугавшим охотников, был я. В лесу жили опасные твари, и людям действительно было чего бояться. Новые возможности дали нам обустроить наш лагерь, мы купили лошадь, повозку и появилась возможность привозить в лагерь необходимые инструменты, материалы, построили первый дом всего за неделю, торопились. Сруб поставили прямо на землю, и крышу сделали из брёвен, всё лучше, чем землянка, здесь уже можно было сложить нормальную печь, а не как в землянке, что-то вроде камина из камней и глины.

Пришли первые настоящие холода, саблезубые стали появляться всё реже и реже, мы зажили относительно спокойно. Перебираться в Сартр мы не захотели, нам показалось неудобным подчиняться королю, ведь у короля могли быть свои виды на нас. А мы всё-таки были воинским подразделением. Здесь же, в лагере, функционировал наш порядок, он нас устраивал, как сложилось бы в Сартре, мы не могли знать, к тому же мы всё ещё не теряли надежду вернуться домой.

Когда кошки перестали появляться около лагеря, среди нас пошли разговоры о многодневной разведке, о возврате к исходной точке. Если раньше капитан приказывал, во что бы то ни стало вернуться до захода солнца, то теперь, говорили многие, когда нет кошек, можно попытаться уйти в недельный, двухнедельный поход. Я был против многодневного похода, да ещё зимой, те, кто охотился, кто знал эти леса, были согласны со мной, мы убеждали смельчаков хотя бы дождаться весны, но нашлось достаточное число добровольцев. Их было девять человек, девять человек, что ушли в разведку, живым вернулся только один.

Я разделял их стремление уйти. Четыре месяца мы жили походной жизнью, это было тяжело, бесспорно, но у нас была надежда на возвращение. Я очень часто размышлял на эту тему, представляя, что мы участники какой-то секретной военной операции, по окончании которой нас ждёт возвращение домой с чувством выполненного долга. Но когда все из нас побывали в Тарте и Сартре, мы осознали, какая участь нам уготована, отчаяние и безысходность накрыли нас.

20 января отряд добровольцев покинул наш лагерь и направился вдоль реки назад к тому месту, откуда мы пришли. Трое суток всё было спокойно, при них была собака, она не выказывала никаких признаков, что саблезубые находятся поблизости, все ребята находились в приподнятом настроении, в таком они и уходили из лагеря. Они шли по карте, составленной нами в самом начале, до назначенного места планировали дойти дней за пять-шесть, по снегу идти тяжело. Кошки появились на четвёртую ночь, за ужином ребята говорили о том, что возможно возвращение домой как раз там, на месте первого привала, они хотели заночевать там и надеялись вернуться домой. Они надеялись на чудо, располагались на ночлег уже в возбуждении от скорого приближения к вождьленному месту, ещё пару дней пути, подбадривали они себя, но в эту ночь они не сомкнули глаз. Они все пережили её. С рассветом кошки ушли, а ребята с ещё большей решимостью двинулись дальше, но уже сутки они почти не смыкали глаз, а двигаться надо было быстро, они надеялись уйти от кошек, потому что знали, им негде укрыться. Вторая ночь, после появления саблезубых, принесла первые потери, кошки разодрали двоих солдат, даже выстрелы в этот раз не испугали хищников. И эту ночь отряд провёл как раз на том самом месте, откуда началось наше путешествие в Тарт. И того, что ждали смельчаки, не произошло, вокруг них по-прежнему был Тарт, следы кошачьих лап никуда не исчезли. И вот уже двое суток бессонницы, нервного и физического напряжения. Ребята решили вернуться, гибель товарищей отрезвила всех, но надо было отдохнуть, остались ещё на одну ночь.

Выспаться днём удалось не всем, кто-то, не смотря ни на что, ходил искать село, кто-то заготавливал дрова отпугивать кошек, а ночью кошки не дали спать, но благодаря этой подготовке ночью удалось выжить всем, но нечего было и думать оставаться здесь на дольше, как планировали изначально. Оставили там всё, что показалось лишним, надо было спешить и идти налегке. В первый день шли быстро, прошли много, тем более что возвращались уже протоптанной тропинкой, подготовились к ночлегу заранее, но ночь опять была бессонной. И на следующий день бойцы шли уже гораздо медленнее, борясь со сном и усталостью, на привал останавливались раньше, чем обычно, хотя бы пару часов им необходимо было поспать. Но кошки не появились этой и следующей ночью тоже. Отряд двигался на максимуме возможностей, и надо было пережить ещё одну ночь, и к вечеру следующего дня они должны были уже вернуться назад. Но в живых после той ночи, осталось только трое, твари напали раньше обычного на уставших ребят, они не успели устроить привал, не успели заготовить дров для костра, они хотели уйти как можно дальше, и не рассчитали силы. А тут ещё и кошек пришло слишком много, словно те, первые, привели подкрепление. Все трое ребят, что оставались ещё в живых, тоже были порваны кошками. Кое-как перевязав раны, уставшие, они продолжили путь домой, в лагерь.

На одиннадцатый день, уже после полудня в лагерь вернулся пёс, что ушел с отрядом, один, весь в крови. Он залаял у ворот, но когда их открыли, он отказался заходить, он звал нас за собой. Псу вынесли поесть, перевязали, мы боялись, что он не сможет дойти до ребят, но пёс довёл нас до них. Когда мы их нашли, живым оказался только один, двое других были мертвы. Рядовой Илья Ильин выжил, его принесли в лагерь в бессознательном состоянии. Как я уже говорил, слюна этих тварей заживляет раны, они располосовали Илье кожу, не задев внутренние органы, в этом ему повезло. Наш эскулап как мог зашил Илью, но он потерял много крови, и был сильно ослаблен физически, мы и не надеялись, что он поправится. Однако мы ошиблись, через две недели Илья уже начал ходить, сомнений, что он поправится, больше не было. Но после этого похода в нашем лагере появились первые могилы.

Жизнь нашего крошечного мира потекла своей чередой, смирились ли мы с нашей судьбой? Не знаю.

Зима подходила к концу, нам надо было решать, как мы будем жить дальше, на общей сходке решили, что менять месторасположение лагеря не имеет смысла, мы нашли удачное место, а надежда избавиться от нападений кошек, иллюзорна, и вернуться домой – нереально. Мы стали готовиться к весне, расширили границы лагеря, назвали его Лесным городом, у нас появились улицы, мы перестали себя ощущать только военным гарнизоном, нам хотелось уже мирной жизни. Мы подготовили землю под огороды, построили сараи для домашней скотины. Рассаду, семена, скотину через Джека мы купили в Сартре. Он стал нашим связующим звеном, мы старались как можно реже бывать в королевстве.

Наши появления в Сартре не остались незамеченными, однажды Джек передал нам наказ короля – лесные люди должны были явиться к нему для представления. Аудиенция у короля длилась больше часа, он выразил желание принять нас в Сартре, он был искренне озабочен нашей судьбой, но мы пока были не готовы стать его подданными. Король напомнил нам, какими опасностями мы подвергаем себя, продолжая жить в лесу, вероятно, он хотел с нашей помощью укрепить свой трон, подчиняться Тарту не входило в его намерения. Но не только ради сохранения своей независимости мы отказались от появления в Сартре. Была и ещё одна причина, по которой капитан приказал нам без его разрешения не бывать в Сартре – женщины. Почти уже год, как мы были лишены всякого женского общества, и наш командир не хотел никаких недоразумений, ссориться с Сартром нам было нельзя, нам просто не выжить в лесу одним. Мы могли добыть себе пропитание, могли жить в лесу, но мы нуждались в массе вещей, нам нужна была мука, соль, патроны, в конце концов, наша одежда изнашивалась, и сартрцы готовы были сотрудничать с нами. Женщина королевства могла быть твоей, только если ты её

муж. Но отдавать женщин Сартра нам в жёны, король Даг отказался, понимая, что это очень сильный аргумент для давления на нас. Так что во избежание неприятностей, связанных с женским полом мы перестали бывать в королевстве. И мы не знали, как долго сможем удерживать нашу независимость.

Глава 7. Поселенки Лесного города

Примерно раз в две недели мы встречались с Джеком, или с Сэмом в условленном месте, в лесу. Заказывали нужные нам вещи, расплачивались пушниной, дичью, вяленой рыбой, диким мёдом, ягодами, грибами. Они также передавали нам новости двух королевств. Конечно, о нашем существовании знали в Сартре, прежде всего наши поставщики, но они держали язык за зубами, такие были наши условия. И о лесных людях разговоры быстро сошли на нет, кто-то даже говорил, что лесных людей, вероятно, сожрало чудовище, раз они перестали приходить, или же они исчезли, как многие до них.

Но Лесной город жил, и даже начал процветать понемногу, благодаря помощи Джека, и нашими неустанными стараниями. В наших хлевах захрюкали поросята, замычали телята, заклохотали куры, а к реке вскоре стало с важным видом выходить утино-гусиное сообщество. На встречу с Джеком обычно ходил я, или Снежин, в английском никто больше силён не был. Снежин, как я уже говорил, по натуре своей полиглот, он и на встречу с Джеком вызывался всегда ходить только потому, что хотел освоить местный язык, он не сомневался, что однажды мы вновь ступим в Сартр, а он не желал общаться с людьми через переводчика. И это его желание иметь рядом собеседника, знающего местный язык, сбылось странным образом. В общем, в тот раз на встречу с Джеком ушёл Снежин, ушёл один, не было нужды в тот раз нести в лагерь что-то тяжёлое, итак, ушёл Снежин один, а вернулся с женщиной. Мы уже начали тревожиться по поводу его долгого отсутствия, хотели послать навстречу человека, Невеличко поминал, как всегда, дисциплину, солнце тем временем шло к закату, а Снежин словно провалился. Но когда он появился, никто, даже капитан сначала не сказал ему ни слова, потому что вернулся он не один, Снежин пришёл с незнакомкой.

Вот так у нас появилась Эли – наш первый житель женского пола. Старший лейтенант Вячеслав Снежин шёл на встречу с Джеком обычным путем. Мы знали, что местные жители в глубь леса не заходят, а с появлением чудовища, вообще даже к лесу с нашей стороны не приближаются. Поэтому, услышав голоса в лесу, Слава удивился, поляну, где увидел мужчину и женщину, собиравших ягоды, он решил обойти, чтобы не попадаться им на глаза. Место встречи с Джеком было гораздо дальше, ближе к Сартру, надо было обойти поляну, но Слава не успел, он услышал как резко, зло мужчина говорит с женщиной, ему это не понравилось, но он не хотел вмешиваться, получилось это само собой. Он просто решал, как лучше ему пройти и не засветиться. Женщина уронила корзину, ягоды рассыпались, очевидно, это и взбесило мужчину больше всего, он кинулся к женщине и ударил её. Он ударил бы её и ещё, но тут Снежин приказал Найде подать голос, собака залаяла, а Снежин стал пробираться на поляну, нарочно создавая как можно больше шума. И мужчина, услышав лай и треск сучьев, отпихнув от себя женщину, трусливо бежал с поляны. Мужчина, убегая, ни разу не оглянулся и не увидел, кто его напугал.

Снежин, вспоминая местное наречие, попытался успокоить женщину, но у него ничего не получалось, незнакомка плакала и не внимала его словам. Слава не знал, что ему делать, его ждал Джек, но он же не мог оставить плачущую женщину одну на поляне. Поэтому Снежин увел её с собой, надеясь на помощь Джека. Действительно с его помощью диалог пошёл быстрее. Женщина сказала, что её зовут Эли, и что это был её муж. Но на предложение Джека проводить её домой, она отвечала отказом, она совсем не желала возвращаться к нему. Никакие уговоры на Эли не действовали. Что мог предложить Снежин ещё, кроме того, что предложить Эли пойти вместе с ним в Лесной город? На удивление Снежина, она согласилась.

Мы все проявляли заботу об Эли. Мы понимали, что Эли была на грани отчаяния, раз она попросилась к нам. Она ведь ничего о нас не знала, но доверилась, а в Тарте её никто не ждал, детей у неё не было, близких родственников тоже, имуществом она не располагала,

а о муже она и словом не обмолвилась ни разу, если бы не Снежин, мы бы и не знали, что у Эли был муж. Эли поселилась в нашем первом деревянном доме, а осенью мы уже играли свадьбу, но не Снежин стал её судьбой. Эли выходила замуж за старшину Лосева. Отношения узаконил наш командир, свадьба прошла на высшем уровне, столы ломились от угощений, мы пели веселые песни, и даже танцевали. Через девять месяцев у четы Лосевых родился мальчик, вообще-то мы все ждали девочку, женского пола нам так не хватало, но Эли пообещала, что девочка будет следующая, и она не обманула.

И странным образом, ровно через год после появления Эли, в Лесном появилась ещё одна девушка. Брижит привёл в лагерь я. Я уже не раз видел эту девушку в лесу, но она меня нет. Однажды я услышал, как она молится у дуба на поляне – рассказывает о своей нелёгкой жизни, и просит Бога взять её к себе. Благодаря Эли мы теперь осваивали тартский язык, так что я понимал слова молитвы девушки у дуба. Мне было жаль Брижит, но предлагать свою помощь в тот раз я не решился, Брижит же обращалась к Богу, а не ко мне. В тот день я тоже шёл на встречу с Джеком, и как обычно был одет в безрукавку, сделанную из шкур саблезубых. Мы заметили, что кошки редко нападали на ту часть тела, что была укрыта такой шкурой. Может, оттого, что шкуру взрослой кошки невозможно было прокусить, видимо даже их клыки не брали её, может, природа позаботилась так об них, чтобы они не могли поранить себя ненароком. Серьёзно ранить ножом взрослую особь саблезубых было почти невозможно, нож скользил по шерсти, не протыкая кожу, этих тварей брали только пули.

Я подходил к опушке леса, когда заметил Брижит, она лежала на самом солнцепёке, и рядом с ней никого не было. Я подумал, что так ей недалеко до солнечного удара, если вообще она в сознании, с какой стати ей так лежать, даже не прикрыв голову от солнца? Она производила впечатление хрупкой и ранимой девушки, ей был нужен кто-то, кто мог её утешить и ободрить. Поэтому я должен был убедиться, что с ней все в порядке, я не смог справиться с искушением не подходить к девушке, я хотел только посмотреть на неё поближе, она спала, я попытался осторожно разбудить её, но напрасно. И я подумал, что она могла получить солнечный удар, поэтому я взял её на руки и понёс к лесу, надеясь в тени привести её в чувство, и тут услышал детский крик.

– Чудовище, чудовище, оно уносит Брижит, – оглашёно вопил мальчуган.

Но даже его крик не привёл в чувство Брижит. Она очнулась только тогда, когда я, положив девушку в тень, брызнул на неё водой, не знаю, она и в самом деле была уже без сознания, или может просто её сильно разморило, и она уснула там, где прикорнула на минутку.

– Кто вы? – спросила она.

– Вам лучше Брижит? – спросил я.

– Да, лучше. Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Слышите? – ответил я.

– Брижит, Брижит утащило чудовище, – кричал всё тот же детский голос.

– Это Вик, мой брат.

– Мне пора, – сказал я, – я рад, что вам уже хорошо, полежите тут немного, ваш брат вас скоро найдет. И зачем вы лежали на самом солнцепёке?

– Я очень устала, хотела дойти до леса и отдохнуть в тенёчке.

– Отдыхайте, Брижит, и попейте воды, – я подал свою фляжку с водой девушке. – А мне пора. Мне бы не хотелось, чтобы меня увидели.

– Нет, не уходите, Вик не придёт сюда, он боится чудовища.

– Но я вижу, что с вами всё в порядке, Брижит. А мне действительно пора идти. Вам же лучше ещё полежать здесь, прийти в себя, вы перегрелась на солнце, а потом идите домой. И не работайте больше сегодня на солнце.

Я решил, что попрощался с Брижит, и пошёл в лес, но вскоре услышал шаги за своей спиной, это Брижит побежала следом за мной.

– Послушайте меня Брижит, идите домой, – я остановился и обратился к ней снова, – вас ищут, беспокоятся.

– Нет, дома я никому не нужна. Видите, какая у меня нога, я хромая.

– Ну и что? – не понимал я.

– Из-за хромоты меня никто не берёт замуж, отца это злит, я для него только нахлебница, лишний рот. Я просила Бога взять меня к себе, и он услышал мои молитвы.

– Я не Бог, Брижит.

– Вы его посланник, я знаю, – девушка произнесла эту фразу с твёрдым убеждением в своей правоте.

– Нет, ты не знаешь меня Брижит, ты же видишь меня в первый раз, – я попытался зародить в ней сомнение.

– Я знаю кто вы. Вы – чужеземец, и вы ищите дорогу домой, но Тарт вас не отпустит, он никого не отпускает. Значит, ты из лесных людей. Пожалуйста, возьмите меня с собой. Я могу быстро ходить, хромота мне ничуть не мешает. Я не буду обузой, возьми меня с собой, чужеземец!

– Да, Брижит, ты права, я из другого мира, но больше я не ищу дорогу домой, из Тарта нет выхода, я уже понял это. Жить в лесу опасно, потому что вокруг нас сплошные леса, и в них водятся хищные звери.

– Тогда где ты живешь? Я знаю, ты не из Сартра. Отец уже два раза возил меня на ярмарку невест в Сартр, тебя я там не видела, а там обязаны быть все холостые мужчины.

– Ты же видишь, Брижит, какое у меня лицо, какая девушка захочет стать моей женой?

– Тебя тоже никто не любит? – простодушно поинтересовалась Брижит.

– Я живу в лесу Брижит, – признался я девушке, не отвечая на её последний вопрос.

– Ты живёшь в лесу один?

– Нет. Нас много, мы попали в Тарт случайно, Брижит. Но мы не хотим жить ни в Сартре, ни в Тарте. У нас свой город, – пояснил я.

– Возьми меня в свой город, чужеземец, ну, пожалуйста, – взмолилась девушка.

Я колебался, нам нужны были женщины, но всё же я ещё раз решил предостеречь её от этого шага.

– Если тебе не понравится у нас, ты никогда не сможешь вернуться назад, Брижит, подумай об этом. Отец тебя не простит никогда, ты же лучше меня знаешь.

– Нет, хуже, чем в Тарте мне уже не будет.

– Хорошо, – сдался я. – Но это тяжелая жизнь, предупреждаю тебя, Брижит.

– Ты не пожалеешь, что взял меня с собой, чужеземец, вот увидишь, я умею делать всё-всё.

Эли взяла Брижит под свое покровительство, и Брижит была счастлива. Она купалась в мужском внимании, ей этого так не хватало в Тарте, она немного дольше выбирала себе избранника, чем Эли. И её хромота никому не была помехой. Многие ухаживали за Брижит, и я в том числе. Но она выбрала другого. Её свадьба со Снежиным состоялась в середине ноября, сейчас они растят троих прелестных дочурок, а я являюсь их крёстным.

Лив нашли в лесу охотники, и принесли в лагерь, она сказала, что заблудилась, возвращаясь одна из Летнего дворца, и тоже попросилась остаться в Лесном. Я полагаю, наши охотники сами сделали девушке такое предложение. А вот Ло сама искала нас, она опасалась сановника Тота, Ло связалась с нами через Джека. Конечно, мы с радостью приняли Ло, ведь мы по прежнему не желали открыто заявлять о своём присутствии в Сартре и Тарте, а других способов найти себе женщин не было, Ло к тому же была ещё и целительницей, а с тех пор как в нашем городе стали появляться новорожденные нам не хватало акушерки.

А на следующий год после исчезновения Ло, мы узнали, что Ассамблея Тарта приняла закон, по которому отныне сами сановники будут выбирать для чудовища очередную жертву.

Нас удивила такая позиция, вместо того, чтобы защищать женщин, которых и так рождалось в Тарте меньше, чем мужчин, ими ещё и решили жертвовать добровольно. Мы сначала не поверили, что девушку действительно приведут на поляну и там оставят привязанной на заклятие чудовищу. О новом законе нам сообщил Джек, наш штаб решил сначала, что это ловушка, но Джек уверял, что в Тарте и в самом деле бояться чудовища. Как бы мы ни старались скрыть своё присутствие, о нас знали, знали о лесных людях. Король Даг принимал нас во дворце, но даже он не имел понятия сколько нас, впрочем, ему тоже было не с руки распространяться о нас.

Подстраховаться мы решили на всякий случай, так что наш командир послал небольшой отряд под моим командованием на разведку как раз в тот день, что был определён Тартской Ассамблеей. Собираясь, я надел себе на голову шапку из кошачьей морды, если мы столкнемся в лесу со стражниками, то пусть они лучше встретят чудовище. О нём они знали, а вот о лесных людях в точности – нет, и раз нам так было пока удобнее, пусть так и будет. Но ни в какую засаду мы не попали, охотников покончить с чудовищем пока не находилось, на поляне мы нашли лишь испуганную, несчастную девушку, привязанную к дереву. И из года в год история стала повторяться. И никто из девушек не хотел возвращения в Тарт. Конечно, нам бы хотелось, чтобы взрослые женщины в нашем городе прибывали более чем одна в год. Но никаких специальных мер к этому не прилагали по-прежнему, полагались на случай.

И однажды такой случай действительно случился, к нашему городу пришли три молодые особы женского пола с ними был ещё и ребенок, пятилетняя девчушка. Они были одеты в длинные платья, подолы, к тому времени, как они пришли к нам, были в пыли и грязи, они шли несколько часов. Женщины говорили на польском языке, было трудно понять их. Только когда одна из них заговорила на французском, дело пошло быстрее, Снежин стал переводчиком. Я полагал, что меня ничего уже не может удивить здесь. Но дамы сказали, что выехали вчера днём, тринадцатого мая 1876 года. К вечеру они должны были приехать на хутор, но новый кучер заблудился в лесу, свернув не на ту дорогу, когда они выбрались на нужную дорогу, уже стемнело, стало невозможно ехать, и они решили остаться ночевать в лесу. Женщины вчетвером находились в закрытом экипаже, кучер спал у костра. Разбудило их дикое ржание лошадей, потом они слышали нечеловеческий вопль, это кричал кучер. На крышу кареты кто-то взобрался, по рычанию они поняли, что это какой-то зверь, женщинам показалось, что карета сейчас перевернётся, сдерживая крики, полумёртвые от страха они сжались внутри экипажа. Потом с кареты животное прыгнуло. Они были закрыты изнутри, окошки затянуты шторками, они ничего не видели, но до рассвета женщины молились о спасении.

Они слышали урчание, похожее на кошачье, только очень громкое, слышали предсмертное ржание лошадей, звуки разрывающейся плоти, до них доходил свежий запах крови. Утром они долго не решались выйти из своего убежища, хотя уже давно перестали слышать какие-либо звуки. Когда, наконец, они рискнули приоткрыть шторку, увидели яркое солнце и осмелели. Сначала, не выходя из кареты, осмотрели всё вокруг из окошка. Они увидели останки четвёрки лошадей, ужасная картина, дамы не смогли долго смотреть, боялись лишиться чувств. Они не знали, что делать, позвали кучера, но он не отозвался. Ещё некоторое время дамы побыли возле кареты, покричали людей, но их никто не услышал, никто не искал, и они решили идти пешком. Они знали, что лес должен скоро закончиться, не первый раз они преодолевали этот путь, но сейчас они шли и шли, а лес не кончался, к тому же дорога имела странный вид, она вся заросла травой, к тому же, кажется, стала уже. Но ведь они ехали здесь неделю назад! Путницы выбились из сил, но страх подгонял их идти вперед. Они успели до захода солнца выйти к нам, ещё бы час, и они могли бы стать добычей кошек.

На следующий день, отряд, посланный нашим капитаном, нашёл карету, она была почти цела, кошки только слегка поцарапали её, целы, конечно же, были и все оставленные в ней вещи. Для животных всё это не представляло ровно никакого интереса, а люди здесь не бывали.

Ребята приволокли карету вместе с вещами, это была хорошая карета, и могла ещё нам пригодиться.

Как оказалось, к нам попала баронесса с дочерью, её младшая сестра, и горничная баронессы. Они долго не могли нам поверить, что мы не можем отвезти их домой, баронесса предлагала большие деньги за помощь в возвращении, не принимая, что они очутились в Тарте, и где он находится, никто не знал. Не принимали они и объяснение нашего здесь присутствия, на капитана баронесса взглянула как на сумасшедшего, когда он сказал, что мы попали сюда из конца 20 века. Баронесса была убеждена, что все мы здесь, в лесу, просто скрываемся от закона.

Мы и сами не могли объяснить себе, откуда берётся эта временная дыра, или как ещё назвать то место, что перенесло нас в этот таинственный Тарт, и как оно действует. Пока мы были свидетелями действий этой дыры только в одну сторону. Возможно ли предполагать, что выход есть, и мы можем вернуться назад? В тот же день и час, или совсем в другую эпоху, другое время, другую страну? Наша рота, Дженни с Джеком и Сэмом, польки, все мы попали сюда из разных мест, и из разных лет. Значит, на Земле предполагать наличие дыры в строго определенном месте, похоже, нельзя. И не может же существовать одновременно столько точек пространственно-временного искривления! Но здесь это могло быть реальностью, один заколдованный участок, одно место. Мы, польки, американцы, три точки появления. У нас была карта, мы составили её, какую уж смогли. И мы нанесли на карту эти точки, стало ясно, что все наши появления находятся в разных местах, хотя и в одной стороне. Тогда, может, мы попали на границу между нашими мирами, а саблезубые кошки своеобразные пограничники этого мира?

Маленькая Марыся, дочка баронессы, быстрее всех освоилась в новой среде. Она вовсю уже играла с нашими детьми. Если бы не боязнь за жизнь дочки, баронесса, боюсь, покинула бы нас, но встреча с кошками произвела на неё неизгладимое впечатление. Все перемещения в другой мир происходят ночью, но вот доживут ли до этого времени смельчаки, рискнувшие попытаться возвращения, неизвестно. Остальные две пани без колебаний предпочли здешнюю жизнь, призрачной надежде вернуться, ведь ты не знаешь точно, попадёшь ли ты в старую жизнь. Судя по одежде горожан королевства Сартр, дыра не жаловала постоянством, хотя, кто знает, каким законам она подчинялась.

Ещё две девушки пришли к нам из Сартра. Это были сёстры-близняшки. Их родители тоже попали в Тарт из большого мира. Девочки родились в Сартре, но их мать была уже беременной, когда они здесь очутились. Они переезжали из ирландского городка Талламор, знаменитым свои виски, в Дублин. Машина была нагружена вещами, родители девочек ехали медленно, молодую жену тошнило. Расстояние между городами не такое уж большое, поэтому они не поторопились чуть свет тронуться в путь. Весь путь должен был занять не более трех часов, и это с запланированной остановкой. Они выехали около полудня, светило солнце, но проехали только одну десятую часть пути, как погода неожиданно испортилась, пошёл снег. Пришлось снизить скорость, а затем и вовсе остановиться и переждать снегопад. Но молодую пару это обстоятельство ничуть не смутило, им было весело, они съехали на обочину, даже заглушили мотор, и выключили дворники, достали термос и перекусили. Они не помнили, сколько кружил снег, может полчаса, а может и час. Когда молодой муж вновь включил дворники, снегопад прекратился, и прояснилось, он завёл машину, и молодая пара двинулась к своему счастью, так они полагали. Они поняли, что что-то не так почти сразу, дорога была другой. Они вышли наружу, посмотреть в чём дело, они были уверены, что с обочины они выехали на дорогу, но всё было в снегу, и всё было иным. Им пришлось снова сесть в машину и ехать куда глаза глядят. Хорошо, что у них был полный бак бензина, и машина, успешно преодолевавшая дорожные рывки и кочки, и через пару часов они увидели стены Сартра.

Не будь мать девочек беременной, муж непременно ушёл бы искать дорогу домой, но он опасался за жену, за её рассудок. На молодой женщине дурно отразилось перемещение из 1970г. в Тарт, она никак не могла принять это обстоятельство, и муж постарался в быту сохранить их прошлые привычки, обстановку. У них было много вещей с собой, и они зажили уединённым образом. Дома они говорили только по-ирландски, даже девочки стали учить тартский поздно, их мать была убеждена, что этот язык им не будет нужен, детей воспитывали с мыслью, что здесь, в Сартре, они пребывают временно, что скоро настанет день, их найдут, и они покинут это место. Отец девочек часто уходил искать путь домой, но всегда возвращался, хоть и ни с чем, но когда девочкам исполнилось 14 лет, родители ушли искать дорогу домой вдвоём. Их отец так и не смог убедить жену в бессмысленности этой затеи. Он еле уговорил жену не брать с собой детей, они обещали непременно вернуться. Они сгинули в Тартских лесах, как и многие. А девочки остались в Сартре. Через два года в лесу появились мы, а ещё через два года они пришли к нам, сказав всем, что отправились в большой мир. Мы их приняли, потому что по существу они уже не являлись подданными короля Дага, так что своё обещание королю мы не нарушили.

Вот, пожалуй, и всё, принцесса. Я рассказал вам больше, чем предполагал. Но и от вас, я бы тоже хотел получить информацию. Об истории Тарта Вы знаете больше, чем обычные горожанки, в большинстве своём не знающие даже грамоту. Я надеюсь, вы не станете скрывать от нас историю возникновения королевства? – Лютаев задал вопрос и ждал на него ответа. А принцесса не знала, что сказать в ответ.

– Боюсь, мои знания покажутся вам крайне скудными. Давайте о Тарте поговорим завтра, а сегодня я попытаюсь вспомнить всё, что мне говорили об истории королевства, – предложила Ти.

– Что ж, хорошо. Меня ждут ещё городские дела.

– У правителя должно быть много дел.

– Да, вы правы. Но правителем я себя не называю, должность главы города у нас выборная, сроком на два года. Здесь, – Иван окинул взглядом поляну, – мы проводим собрания. Глава города избирается путем тайного голосования, право голоса имеют все совершеннолетние жители Лесного. Также избирается и Совет города. Но глава может и слететь с должности раньше срока, в том случае, если ему выражено недоверие, и он в течение месяца так и не учёл замечаний, высказанных ему на общем сходе. Тогда жители имеют право переизбрать градоначальника прежде, чем окончатся его полномочия. Правда, такого у нас ещё не случалось. До сей поры, избранники прислушивались к мнению общего схода.

Да, я совсем забыл спросить, принцесса, вы не имеете ничего против проживания в моём доме? Если вы испытываете какое-либо неудобство, скажите мне.

– Благодарю вас, но пока меня всё устраивает. Я не хочу сейчас покидать ваш дом.

– Мой заместитель Борис Могильный, он встречал нас вчера. Впрочем, вы были вчера без сознания, мы зайдём к нему сейчас. Идёмте, вы, вероятно уже голодны, дом Бориса я покажу вам по дороге. Джек и Син очень хотели, чтобы вы пожили у них. Так что если вам захочется..., – Иван не стал заканчивать фразу.

– Джек, это американец? – Ти постаралась правильно выговорить незнакомое слово.

– Да. Он перебрался к нам из Сартра после того, как здесь появилась Син.

Обедала Ти в большой компании. Кроме Лютаева, здесь был Совет города в полном составе, шесть человек. Ти с удивлением узнала, что кроме мужчин в Совете была и женщина – Ло. С остальными, кроме американца Джека, которого она запомнила ещё с площади, Ти знакомилась заново. Ти стало немного неловко, когда после воспоминаний, которые вспыхивали каждый раз, когда появлялся новый человек в городе, перешли к насущным вопросам. Ти полагала, что она не имеет никакого права находиться при этом. Ло успокоила её, сказав, что Совет не скрывает от горожан обсуждения решений. И Ти могла поверить на слово, что мно-

гие горожане сейчас тоже обсуждают эти же самые вопросы, к тому же так Ти сможет быстрее влиться в их общество.

Ужин наоборот обеда прошёл в самом узком кругу. На нём присутствовали лишь сам хозяин дома и его вынужденная гостья. Между ними ещё не возникла привычка друг к другу, и оттого разговор составлялся из редких, коротких фраз. На голове Ивана всё также был повязан платок, закрывающий почти пол лица. Ти решила задать вопрос:

– Скажите Иван, а вы всегда носите этот платок на голове?

– Нет.

– Если вы делаете это из-за меня, то совершенно напрасно. Я не желаю причинять вам неудобства, а здесь кроме меня, никого нет.

– Что ж, хорошо. Надеюсь, аппетита вы не лишитесь. Кстати, вы плохо едите, принцесса, – рука Ивана потянулась снять платок, и Ти опустила глаза.

– Обед был так обилен, и я не успела проголодаться к ужину, – Ти решила поднять глаза.

Да, шрам Ивана отнюдь не был тонкой, еле заметной полоской. Он являл собой довольно широкий рубец, начинавшийся с левой стороны лба, пересекавший лоб Ивана и затрагивающий правую бровь и веко, отчего правый глаз выглядел меньше, заканчивался шрам около уха. И всё же назвать Ивана безобразным, язык не поворачивался, особенно если смотреть приходилось на него слева.

«Неужели, только из-за шрама, Брижит отказала ему?» – подумала Ти. Хотя сама Брижит и имела хромоту, к людям с физическими недостатками относилась, как и все тартцы, с лёгкой неприязнью.

Глава 8. Девушки чудовища

После ужина Ти ушла в свою комнату, ей надо было подготовиться к завтрашнему разговору, у Ивана были, очевидно, дела, он предупредил Ти о своем уходе, но причину не назвал.

В комнате было темно, перед уходом, Иван закрыл ставни, Ти зажгла свечу и, взобравшись с ногами на кресло, принялась приводить в порядок свои мысли. Ти не хотела принимать слова Ло о скором привыкании к здешней жизни. Ло сказала это так буднично, словно и не сомневалась в намерении Ти остаться здесь навсегда. Принцесса же хотела вернуться домой, в свой дворец. Она там выросла и другого дома у неё не было, хотя сейчас там и жил Тот, но всё равно Ти тянуло туда. К тому же отец воспитывал её как будущую правительницу, он готовил Ти к трону, и она уверилась в мысли, что проживёт во дворце всю свою жизнь.

И неужели действительно ни одна из шестнадцати тартских девушек не хотела вернуться назад?

Ти начала перебирать в памяти их имена и причины, побудившие их остаться. Эли, первая, к ней у Ти не было никаких вопросов, отвратительный муж, который мерзко обращался с ней, к тому же очень быстро забыл её, месяца не прошло с её исчезновения, как он привёл в дом новую жену. Наверное, дал взятку, чтобы скорее прошло прошение на брак. Затем была Брижит, у этой девушки не было шансов выйти замуж, и вообще она отличалась от всех с детства, вот, скажите, кому нужна хромоножка, да ещё с необычным именем из шести букв? Брижит, разумеется, не хотела причинять неудобство семье, но более её тяготило это неприятие тартцев, косые взгляды, неодобрительные замечания, запреты играть с ней в детстве. Брижит было больно и обидно, откуда у неё возьмутся подружки, если никто с ней знаться не хочет? Пока была жива её мать, Брижит это не так задевало, но потом Брижит осталась совсем одна, отец, мачеха, даже братья стеснялись девушки.

Следующая была Лив, причина тоже в семье? Помнится, отец девушки грозился выдать её замуж, как он привел в дом новую жену, который к тому же изменял ей, месяца не прошло, ал-

вающийся около уха, назвать ивана е, перешли не спрашивая её согласия и не дожидаясь, когда она переживёт отказ жениха. Однако здесь Лив быстро забыла о мужском предательстве и вышла замуж, Ти видела её сегодня в окружении четвёрки ребяташек. С Ло, пожалуй, непонятнее всего, что подвигло её искать лесных людей? Почему Тарт стал для Ло запретным?

После Ло была Ция, первая жертва, выбранная Ассамблеей королевства. За что её постигла эта участь? Ция была обвинена в краже, злючка Лю, вторая жена трактирщика Мала обвинила Цию в краже сережек. Серёжки в доме Ции не нашлись, позже они нашлись в доме Лю, но Лю утверждала, что это Ция подбросила серёжки обратно. О краже узнал весь Тарт, Лю постаралась, и на Цию репутацию легло тёмное пятно. Она стала стесняться выходить из дома, и все тут же уверились в её виновности. Ти не знала, как было на самом деле. Ция в краже не призналась. Хотя она могла решиться на кражу, чтобы позлить Лю. Лю часто не доливала норму масла, или вина, или могла недодать монетку. Заявляя, что у нее нет мелких денег. И мгновенно забывала о своем долге. А если кто-нибудь напоминал ей о несданной монетке, она того же и обвиняла в мелочности.

Конечно, Лю сама могла выдумать эту историю, чтобы избавиться от Ции в трактире, она вечно ревновала своего Мала, а Ция как раз там работала по полдня, Мал вполне мог заглядываться на девушку, ведь он же её и пригласил в помощь Лю. Хотя король не стал бы полагаться только на слова Лю. Скорее всего, Ция действительно взяла эти серёжки позлить Лю, не осознавая последствий этого шага для себя. Она, вероятно, задумала это не одна, и кто-то из подружек донёс на неё, испугавшись решительности Лю в поимке вора. Имя тайного доносчика в Тарте никогда не прозвучит даже на суде. О нём никто не узнает. Таким образом,

шутка вылилась для Ции в трагедию. Что ж желать ей возвращения в Тарт, если среди её друзей был предатель, а репутация испорчена?

Шестой жертвой стала Нина. У неё умер ребёнок во время родов, запутался в пуповине. Муж Нины поспешил на повитуху, рассчитывал, что та придёт к самым родам, что платить за лишнее время? первые роды ведь обычно бывают затяжными. Но когда повитуха зашла в комнату к роженице, та уже разрешилась от бремени, а ребёнок был мёртв. Муж обвинил бедную Нину в смерти ребёнка, он попросил разрешения у короля вернуть Нину родителям, в Сартр. Король ответил отказом, это было немыслимо для моральных принципов королевства. Брак был священен, его расторжение – невообразимо для устоев Тарта. Но муж Нины заявил, что не собирается больше жить с женщиной, виновной в смерти собственного ребенка. Участь Нины была предрешена.

А вот седьмой, Дрю просто не повезло. Может быть, история, в какую она умудрилась попасть, закончилась бы для неё благополучно, случись она в другое время года. Ночью Дрю подвернулась стражникам, делавшим обход. Событие, не достойное даже попасть в тартские хроники, хотя, разумеется, свидание незамужней девушки в ночное время не делает ей чести. А Дрю призналась стражникам, что торопилась она именно на свидание. Родители ничего не знали об отсутствии дочери. Стражники вернули Дрю домой, сделали внушение родителям. И включили этот эпизод в хронику происшествий. И, очевидно, этим бы всё и закончилось, если бы история не произошла незадолго до дня принесения жертвы, второй субботы июня. Время подошло, а жертвы в Тарте не было. Ассамблея собиралась уже два раза, но решение так и не было ещё принято.

Сановник Тот раздул скандал, превратив необдуманный поступок Дрю в величайшее преступление. В городе только и говорили о безнравственности девушки, а Тот подливал масла в огонь. И на следующей Ассамблее, все сановники были единодушны – Дрю – жертва. А ведь не признайся простодушно Дрю тогда ночью стражникам куда идёт, разве стала она бы жертвой? Без лишних разговоров вышла бы замуж и все дела.

Следующей стала Син, самая красивая девушка Тарта, ставшая яблоком раздора для мужчин двух королевств. Эту историю надо выделить особо.

История Син

Син появилась на летней ярмарке невест, которая традиционно прошла через месяц после черной субботы, так прозвали день приношения жертвы чудовищу. Син была дочерью конюха, и последний год она прожила с отцом в Летнем королевском дворце, поэтому в королевстве не видели Син вот уже несколько месяцев. А она изменилась за год самым удивительным образом.

Ростом Син стала чуть выше обычной тартки, хотя вообще-то чертами лица, телосложением она ничем особым, казалось, от них не отличалась. Все черты лица её достигли идеала, и ничто не портило ни лицо, ни фигуру. В этом году ей исполнялось семнадцать, в прошлый год отец не повез Син на ярмарку, возрастом ещё не вышла, объяснил он ей – до шестнадцатилетия ей не хватило несколько недель. Хотя на самом деле причина была в ином, дочка походила не на девушку на выданье, а на головастика. За два года она так сильно пошла в рост, что мясо наращиваться не успевало. Будут смеяться над дочкой, решил отец Син, и принялся усиленно откармливать дочь для следующей ярмарки. И это пошло девушке на пользу. Грудь налилась, округлились бедра, на щеках заиграл нежный румянец. На зимнюю ярмарку они не попали, Син приболела. А весной, какой отец отпустит взрослую девушку в город, мало ли что с ней там может случиться. Син просилась в гости к тётке, но отец был непреклонен, поедет в город ближе к ярмарке.

Ярмарочные гуляния длились три дня. Здесь должны были побывать все холостые мужчины Тарта и незамужние девушки старше шестнадцати независимо от их социального положения. Церемониймейстер ярмарки отслеживал это строго. Син с отцом приехали только накануне начала ярмарки, в городе они остановились у тёти Син, сестры отца. Даже близкие были поражены так неожиданно распутившейся красотой Син. Что же говорить о малознакомых и незнакомых молодых людях, они просто потеряли голову. Танцевать хотели непременно только с ней, все холостые мужчины желали перемолвиться с ней хотя бы словечком, представиться и попросить разрешения навестить её.

Тёткин дом стал самым популярным местом среди женихов двух королевств, туда стремились попасть все. Такого в Тарте ещё не было со дня основания. Прежде мужчины относились к женщинам довольно просто. Отказом невесты, если таковой случался, огорчались мало, всегда найдётся взамен другая. Мужчины, все как один были самоуверенны, но ссор из-за женщин никогда прежде не случалось, даже если какая-нибудь девушка нравилась нескольким парням. Выбор в этом случае был за девушкой, но долго выбирать она не могла, женихи ждать не любили, могли живо перебежать к другой, причём все сразу. Син же выбора никак сделать не могла, хотя прошёл уже месяц, но странно, мужчин возле неё меньше не становилось, причем каждый был уверен в своей победе.

Как правило, сразу после ярмарки, а то и вовремя, появлялись первые сваты, чтобы к свадьбам, что случались обычно осенью или зимой, было время подготовиться. Но впервые, пожалуй, за всю историю Тарта, сваты ехали только в один дом. Других девушек словно бы и не существовало, и к началу сентября ситуация в королевстве грозилась уже выйти из под контроля. И король пригласил Син и её отца во дворец. Во дворце Син была впервые. Как же разительно дворец Тарта отличался от Летней резиденции короля. Ей стало понятно, почему король называет Летний дворец охотничьим домиком.

Сначала король пожелал говорить только с отцом Син, её оставили ждать в одиночестве в зелёной комнате. Син рассматривала убранство с немым восхищением, больше всего на свете ей хотелось бы остаться здесь навсегда. Её восторгало всякая вещица, находящаяся в этих апартаментах, от обивки кресла до табакерки на камине. Её платье, казавшееся ей дома роскошным, здесь превратилось в жалкую тряпку. И на ней были такие дешёвые украшения! Отец

вошел в комнату, прервав размышления Син, он не успел сказать дочери ни слова, секретарь короля велел девушке тут же проходить в кабинет.

Син вошла и изящно присела в глубоком реверансе, как её учили.

– Подойди ближе, Син, – произнёс король.

Син поднялась и приблизилась к королю. Великолепный король Лев I стоял у камина, одной рукой слегка опираясь на спинку кресла, Син подняла глаза. До сегодняшнего дня она не воспринимала короля как мужчину, но сейчас король был только одним из всех. Вот кого бы выбрала Син без всяких колебаний, потому что ему принадлежала вся эта роскошь, потому что на нём был надет дорогой камзол, руки унизаны перстнями, даже на пряжках его туфель сверкали драгоценные камни, а взгляд королевских глаз был властен, напорист, этот взгляд тут же подавил девушку, она потупилась, не в силах вынести его.

– Я хочу поговорить о твоей судьбе, Син, – начал король. – Ты очень красивая девушка, ты свела с ума всех мужчин. Вот смотри, – Лев I подошёл к столу, – взял пачку листков, потряс ими, и после небрежно бросил, – это прошения. Прощения молодых людей на брак, на брак с тобой, и даже не только молодых, а и вдовцов. Ни в одном из них нет другого имени. Это очень плохо, Син. Очень плохо для королевства. Каждый день стражники разнимают не одну драку, и причина этих драк – ты. Это надо прекратить, Син.

– Я сделаю всё, что вы скажите, ваше величество, – пролепетала Син, она сделала шаг к королю и опять присела в реверансе, не так низко, как прежде, но так, чтобы король мог увидеть её грудь в вырезе платья. «Как вкусно пахнут её роскошные волосы», – подумал король. Хотя и то, что хотела продемонстрировать Син, он заметил.

– Я рад твоему благоразумию, Син. Открою тебе одну тайну. Вчера, некоторые из этих молодых людей были приглашены мною на разговор. Самые достойные молодые люди нашего королевства. Я говорил с ними о тебе. Пытался переубедить их в желании жениться на тебе, – ужас промелькнул в глазах Син. – О, я отнюдь не против женитьбы одного из них на тебе, – заметив оторопь, произнёс король, – отнюдь. Я лишь хотел, чтобы остался один из претендентов, но представь только, все они отказали мне, мне – королю. Но я весьма восхищён их твердостью. Они сказали, что примут только твой выбор. Поэтому я спрашиваю тебя, кого из них ты любишь, Син? Назови имя счастливчика, и завтра он придёт к тебе свататься. Мужчины успокоятся и обратят, наконец-то, свои взоры и на других девушек Тарта. Ну же, Син, кто твой избранник? Он есть?

Син кивнула в ответ.

– Ну, так назови мне его имя.

Но Син молчала, король решил, что Син стесняется и решил подбодрить её:

– Ну же Син, не робей, скажи, кого ты любишь.

– Вас, Ваше величество, – прошептала Син, – я люблю вас.

– Что? – король был изумлён.

– Я люблю вас, ваше величество.

– И когда же ты успела в меня влюбиться, Син?

– В прошлое лето, я тайком наблюдала за вами, – прошлым летом Син наблюдала вовсе не за королем, а за помощником отца, Жаном. Но королю ведь об этом знать не обязательно, к тому же Син не могла выйти за Жана, он женился ещё в прошлом году. Может быть, сейчас он кусает себе локти, кто знает.

Король между тем внимательно рассматривал Син. Она, без сомнения, была бы потрясающей королевой. В ней была стать, горделивость, самоуверенность. Королю всегда было странно, почему женщины в королевстве так принижают себя, в Син этот недостаток отсутствовал, король это сразу понял. «А может мне и в самом деле жениться на ней?», – подумал король. Жениться на неграмотной дочери конюха? Нет, положительно, он сходит с ума. Но король представил её не в этом ужасном платье, а в нарядах, достойных этой красоты,

с короной на голове и изумрудным ожерельем на шее. Он ведь ещё не старый, она, возможно, родит ему сына, наследника. И он, Лев I, сделает его королём. Но согласятся ли на такую королеву Сановники? Возможно, не сразу, это надо делать постепенно. Поговорить с каждым Сановником, подкинуть им мысль о моей женитьбе. Два года почти прошло со смерти королевы Ла, они пытались поговорить со мной о новой женитьбе несколько раз, я категорически отвергал всех. Мне не стоит больше быть таким непреклонным, остальное пойдёт само собой. Через некоторое время в королевстве будет объявлено о моём намерении жениться, скажем, через полгода, может раньше. Таким образом, все незамужние девушки Тарта, и Сартра станут претендентками на трон. Глашатаи на площади огласят требования к претенденткам, и призвут их заявить о себе. Претенденткам на трон придётся пройти своеобразные экзамены, явить Ассамблее Тарта все свои достоинства. После всех проверок останется девушек восемь-десять. Их этих уже и будет выбирать сам король. Так было в первый раз, когда он женился. Любовь к жене пришла уже позже.

Сейчас же другое, королю нравится Син, к тому же она сказала, что любит его. Да, если бы Син была дочерью знатного горожанина, препятствий бы не возникло никаких, король бы не раздумывал о женитьбе ни минуты, он бы завтра же объявил об этом. И назначать выборы королевской невесты не было бы необходимости. Но Син всего лишь дочь конюха, но и совсем исключать возможность становления Син королевской невестой не стоит. Только прежде Син потребует приложить немало усилий, чтобы соответствовать тем высоким требованиям, что предъявляются к претендентке на корону. Ведь девушка, очень может быть, даже не умеет читать и писать. Только вот справится ли она с возлагаемыми на нее чаяниями? Впрочем, если нет, Син выйдет замуж за любого другого, и королю будет неважно, кто им станет.

Неужели король заставит меня сделать выбор прямо сейчас, между тем лихорадочно размышляла Син, кто сможет стать для неё желаемым мужем? Ну почему Син не подумала об этом вчера, когда получила приглашение? Ведь она предполагала, о чём пойдёт речь, да и отец говорил только об этом. Так нет! Все её мысли были заняты размышлениями о платье и причёске, хотя её волосам идёт любая причёска, даже если бы Син пришла во дворец нечёсаной. А о главном она и не подумала. Кто из этих самодовольных хвастунов, действительно способен исполнить хотя бы часть своих обещаний? Ведь это будет уже после свадьбы, когда она будет в полном распоряжении мужа. Как же узнать, кто и в самом деле любит её? Син растерялась, она ведь никого не любила сама, даже Жан, будь он свободен, был бы ей сейчас, вероятно всего, не нужен, что она дура, в самом деле, выходить замуж за простого конюха? Её муж должен быть богат, но, пожалуй, пусть будет не знатным. Знать задирает нос, эти девицы – аристократки будут кичиться перед Син своей образованностью. Да, муж должен быть простой и богатый, например Али, он спокойный, был, по крайней мере, а когда все эти страсти улягутся, он станет спокойным, как прежде, он добрый и щедрый. Син сможет вертеть им, как ей вздумается. Решено, это будет Али. Приняв решение, Син успокоилась. Но король всё ещё размышлял о чём-то. Син вздохнула, стоять она уже устала, поэтому переступила с ноги на ногу. Король не обратил на это внимания, и Син принялась украдкой рассматривать королевский кабинет. Она так увлеклась этим занятием, что не заметила, что король уже пару минут смотрит на неё не отрываясь.

– Признаться не знаю, что мне с тобой делать, Син, ты загнала меня в тупик своей откровенностью, – король наконец-то заговорил. – Ты очень красивая девушка, Син, самая красивая из всех, что я знал. Ты могла бы стать самой восхитительной королевой, что всходили на трон Тарта. Но чтобы только стать претенденткой на престол, требуется не одна красота и грация, коими ты обладаешь в избытке.

– Ваше величество, я готова на всё, ради вас, – пылко заявила Син, она быстро подошла ещё ближе, стала совсем рядом, присела в нижайшем поклоне и, взяв руку короля, покрыла её жаркими поцелуями.

– Встань, Син, – король помог подняться девушке. Потом, не удержавшись, он провел ладонью по её лицу. – Послушай, что я скажу. Во-первых, ты должна будешь уехать обратно в Летний дворец немедленно. Твоё присутствие будет провоцировать мужчин на новые потасовки. Без тебя они уgomонятся. А то стражники только и делают, что приводят в карцер драчунов, и караульный карцер забит ими под завязку. Во-вторых, пока никто не должен знать о моём намерении жениться на тебе. Если из твоих уст просочится хоть капля информации, или ты своим поведением дашь понять, что я задумал жениться на тебе, я тут же выдам тебя замуж, и ты выйдешь за того, на кого я укажу тебе. И твои пожелания, или твоего отца учитывать не будут. В-третьих, ты должна убедить отца о своём желании получить образование. Я знаю, это весьма дорого для него, посоветуй ему взять деньги из твоего приданного.

– Но мой король, кто же будет учить меня? – робко осведомилась Син.

– Мой мажордом Дик. Он научит тебя азам. Эта твоя задача уговорить его на учёбу, но я полагаю, здесь у тебя не возникнет больших хлопот, мужчины в твоих руках, словно мягкий воск. Через месяц, полтора я приеду на охоту и проверю твои успехи. Если они удовлетворят меня, будешь продолжать обучение, этим займётся мой секретарь. Если же нет – к новому году выйдешь замуж. Вы уедете сегодня же. Иди, Син, и позови отца, – король не удержался, и на прощание коснулся губами нежных губ девушки. И желание сделать её королевой только упрочилось.

Отец Син был недоволен результатом дворцового визита и всю дорогу до дома сестры ворчал. Он хотел как можно скорой свадьбы Син. Но когда он вошёл после Син к королю, Лев I сказал ему, что пока Син не выбрала жениха, и он решил дать ей время подумать. Конюху ничего не оставалось делать, как принять решение короля.

– Ну, скажи на милость, – бранился отец, – о чём ты будешь думать? Выбрала бы жениха сейчас, пока они не передумали, а иначе того и глядишь, выйдешь за самого захудалого. Куй железо пока горячо, а ты что? Что ты задумала? А может, передумаешь, а, Син? Давай, вернёмся и скажем, что ты выбрала жениха, а, дочка?

– Подожди, папа, передумать никогда не поздно.

– Да, как же, не поздно.

Уговорить отца дать Син разрешение на учебу, оказалось невозможным. Он отказался наотрез, но не из-за денег. Он твердил, что ей это ни к чему, и до добра это не доведёт. Конюх не поддавался уговорам Син, что образование поможет, в этом случае она могла бы выбрать аристократа. Он ворчал, что ей это ни к чему, можно выбрать простого и богатого парня, а не пытаться стать тем, кем не являешься. Конюх будто предчувствовал беду, нависшую над дочерью. Но Син была упряма. Мажордома она уговорила выучить её бесплатно, а деньги на книги, украла у отца. Это деньги из моего приданного, успокоила себя Син. Занималась она украдкой от отца. У него было много дел в конюшне, к тому же обед был всегда приготовлен, в домике у них было чисто, одежда постирана. Син почти совсем перестала заглядывать на конюшню, но так даже и лучше, а то раньше только и скакала верхом сломя голову.

Син уже несколько раз думала порвать с учебой. Времени у неё катастрофически не хватало. Работу по дому надо делать, потом делать уроки, Дик задавал много заданий выполнять самостоятельно. Но мысль о возможности стать королевой не давала ей бросить занятия, девушка подкрепляла себя воспоминаниями о роскоши королевского дворца, и ей становилось легче. Син забросила шить приданное, во дворце есть белье и получше. Но корзинку с рукоделием не убирала. Вечером, после ужина, она садилась возле отца, когда посуда была уже вымыта, пол помыт, и у неё было полчаса на отдых. Она делала несколько стежков, усыпляя этим отца. Син итак бросила ходить к нему на конюшню, не следовало возбуждать его подозрений, ещё и не занимаясь шитьем.

Син оказалась способной ученицей, хотя учёба и не захватила её. Она делала всё, потому что так было надо, это должна знать и уметь королева. Этикет, манеры, овладение грамотой,

Син старательно выполняла все указания Дика. Единственное, чем владела Син в совершенстве, чем могла похвастаться перед любой знатной девушкой, и что действительно нравилось ей, была верховая езда. Но Дик, убедившись, что в этом предмете она может дать фору любой знатной наезднице, больше к верховой езде, к разочарованию Син, не обращался.

Энтузиазм к занятиям Син черпала в своих мечтах. Как только у неё опускались руки, хотелось всё бросить, поддаться уговорам отца о замужестве, она вспоминала дворцовую роскошь. Мыслью, что она может стать хозяйкой этого, она вдохновлялась. Король сам сказал, что она станет самой красивой королевой. Перед Син будут преклоняться придворные, народ будет восхищаться её красотой. Но не внешняя атрибутика тешила самолюбие Син, поклоны, комплименты, это приятно. Как и жить в роскоши, носить красивую одежду, есть вкусную еду, и самое главное здесь, иметь всё это не прилагая к этому своих рук. Ей больше не придётся самой себе шить платья, укалывая пальцы, до боли в пояснице стирать одежду, пропалывать грядки в огороде, ей вообще не придётся заниматься грязной, тяжёлой работой. Всё за неё будут делать слуги. Ей нужно только приложить максимум усилий сейчас и немного потерпеть.

Син представляла себе, как король будет исполнять её капризы, каждый день она сможет спать до обеда, купаться хоть каждый день. Сейчас, чтобы вымыться, Син нужно было налить воды сначала в котёл и согреть её. Потом из котла она черпала кипяток, боясь невзначай облиться, наполняла лохань, и только потом она могла вымыться, и никто не помогал ей мыть её длинные, густые волосы. А после мытья воду из лохани надо было вынести во двор. И разве могла Син променять жизнь во дворце на жизнь с Али? Даже несмотря на титаническое напряжение всех её сил в эти несколько месяцев.

После отъезда Син из города, страсти действительно улеглись. Драки сошли на нет, но свадеб в эту осень не сыграли ни в одном доме. Через полтора месяца король действительно приехал на охоту, он провёл в охотничьем домике две недели. Побеседовав с Син, король остался удовлетворён её успехами. Он заметил, как Син осунулась, похудела за эти полтора месяца, и попросил её поберечь себя. А вот сообщением Син, что она занимается тайно, король был недоволен. И на следующий день, когда отец девушки подвёл к нему коня, спросил, почему тот не желает учить дочь.

– Ни к чему ей это, ваше величество. Да и денег у меня нет на её учебу, учителя надо из города нанимать, а значит ей в городе жить, греха опять не оберёшься с кавалерами, – ответил конюх.

– Но, получив образование, Син сможет выйти замуж за знатного человека, она будет появляться при дворе, разве ты не желаешь такой участи для своей дочери?

– Воля ваша, ваше величество, за кого скажите, за того я её и выдам. Но уж лучше пусть она выберет жениха попроще.

Рано утром король уезжал на охоту. Во дворце оставалась только Син, секретарь короля Реми, королевский повар, добродушный толстячок Мао и старый Дик. В эти две недели Реми занимался её образованием. И эти занятия нравились Син гораздо больше, чем прежние с мажордомом. Дик не стеснялся стукнуть её линейкой по рукам, если ему не нравился почерк Син, он больно щёлкал по её спине всё той же линейкой, если она позволяла себе искривить осанку. Реми же был предупредителен, вежлив, заботлив. Заметив усталость Син, он тут же делал перерыв в занятиях, или менял предмет. Король хотел, чтобы Син научилась безупречно танцевать. Он даже сам показал ей несколько па. Когда король положил руку на талию Син, он ощутил податливость её тела, бедная девушка не имела возможности иметь корсет, это прикосновение разбудило воображение короля. Желание жениться на Син, укрепились в нём.

Син занималась теперь гораздо больше, но другой режим, разнообразная, обильная еда, к тому же ей теперь не приходилось прятаться от отца, всё это благотворно сказалось на самочувствии Син. К тому же девушка счастливым образом избавилась от своих ежедневных обязанностей, необходимости готовить еду, мыть посуду. Она обедала вместе с Реми, ела то, что

готовил Мао. Мао с удовольствием откармливал Син, он был очарован красотой девушки, как и все, он изо всех сил старался, чтобы исчезли под её газами тёмные круги, а на щёчках заиграл румянец. И старания Мао не прошли даром, девушка поправилась, щёчки Син округлились, на них вновь появился румянец. Мао подарил Син душистое масло, он велел смазывать им руки и вскоре руки Син приобрели мягкость и шелковистость. Как же ей не хотелось, чтобы уезжал король!

Мне осталось потерпеть совсем недолго, уговаривала себя девушка со слезами на глазах после отъезда короля, король вот-вот объявит о намерении своей женитьбы. Но проходили недели, а такую новость не привезли из Тарта. В середине января отец повёз Син на зимнюю ярмарку. Она начиналась 1 февраля. Вопреки опасениям конюха, приезд его дочери не вызвал никакого ажиотажа. Молодые люди вежливо здоровались с Син и её отцом и только, они не плелись, как бывало прежде следом, не караулили Син возле дома, не являлись с визитами.

– Что, – хмуро спросил конюх у дочери, – дождалась? Женихи тебя стороной стали обходить.

В это раз конюх был настроен решительно, либо через месяц, максимум после Великого поста, должна состояться свадьба, он больше не поддастся на уговоры дочери, он сам выберет ей жениха. И ей придётся подчиниться. Син ничего не знала о намерениях отца, а он и не собирался посвящать в них свою дочь. Желая ей счастья, он не вмешивался в выбор дочери, но так он поступил в прошлый раз и, похоже, совершил ошибку. Ещё на аудиенции короля ему надо было назвать имя жениха.

Ярмарка женихов и невест прошла весело, живо, интересно. Син с головой окунулась в праздник, она так давно не видела людского столпотворения, городской суеты, оказалось, она соскучилась по такой жизни. С королём Син встретилась в первый же день ярмарки, в танцевальной круговерти её нашёл Реми и позвал за собой. Около часа продолжалась их беседа, Син писала диктант, решала задачи, отвечала на вопросы по истории, вела светскую беседу с королём. Король был удовлетворён, писала Син хотя и медленно, зато без ошибок, диктант был не сложный, но ведь в будущем тексты для претенденток будет заверять он сам. Король оценил и манеру держаться, и непринуждённость разговора девушки. После разговора с королём, хоть Син и не услышала от короля даты провозглашения о намерении женитьбы, утвердилась в его намерении взять её в жёны, и с лёгким сердцем вновь погрузилась в праздничные забавы. Кроме представления женихов и невест – самой, пожалуй, нудной частью праздника, по мнению Син, потому что надо было представить всех, а если ты знатен и богат, представление затягивалось; это представление Син было коротким, церемониймейстер только и сказал – Син, дочь королевского конюха, и Син тотчас же надо было сойти с места представления. А следом была досточтимая Ми, дочь досточтимого Сановника Ра и его досточтимой жены Ди, внука почтеннейшего Сановника Тарта Ози, а иные представления невест длились и дольше. Впрочем, представления были только в первый день, зато потом шло сплошное веселье – званые ужины с танцами, катания с горок и на лошадях, игры в снежки, ночные гуляния и прочие разные забавы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.